

Руслан Ходяков

ПТИЦА ЧАБОС

Самолёт в угоне не значитсся

Руслан Ходяков
Птица Чабос. Самолёт
в угоне не значит

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8673766

ISBN 978-5-4474-0349-2

Аннотация

Это продолжение истории о Родионе Оболенском – взломщике и комбинаторе и бывшем владельце Луны, в которой он наконец воплотит в жизнь свою мечту и отправится в Рио-де-Жанейро – город мечты, мулатов и белых штанов.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
Глава первая	9
Глава вторая	21
Глава третья	30
Глава четвертая	40
Глава пятая	52
Часть вторая	65
Глава шестая	65
Глава седьмая	80
Глава восьмая	90
Глава девятая	101
Глава десятая	112
Глава одиннадцатая	124
Конец ознакомительного фрагмента.	129

**Птица Чабос
Самолёт в угоне
не значитcя**

Руслан Ходяков

Редактор Ольга Печурина

© Руслан Ходяков, 2020

ISBN 978-5-4474-0349-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

*Если Рио-де-Жанейро не приходит
к человеку, значит, человек
приходит в Рио-де-Жанейро!*

– А, собственно, почему нет? – думал Родион Оболенский, сидя в офисе одной Московской туристической фирмы, откинувшись на спинку мягчайшего, как райские облачка кожаного кресла, закинув ногу за ногу и задумчиво листая сверкающий гляncем рекламный проспект с безумно нереальными фотографиями лазурных пляжей и белоснежных как жилища ангелов отелей.

Мечты имеют свойство сбываться. Не всегда, конечно. Но никто еще не встречал человека, который чего-то бы очень сильно хотел, и у него не получилось воплотить в жизнь это самое «чего-то». Все зависит от силы нашего желания.

И если Родион пока не мог войти в город своей мечты сквозь, подобную семицветной радуге, «триумфальную арку победителя», то почему бы ему не попасть туда через уютную бархатным плюшем «калитку желаний»? Аккуратненькую такую калиточку с бронзовой задвижкой и кованой ручкой.

Открыть ее, сделать шаг по дорожке из желтого кирпича извивающейся вдоль пальм, похожих на роскошные, окрашенные в изумрудный цвет плюмажи из страусиных перьев, шагнуть навстречу мечте, и сказать: «Здрасьте!»

А заодно спросить:

– Любите ли вы Рио-де-Жанейро так, как люблю его я?

Или, совсем просто:

– Умеете ли вы мечтать?

Беда в том, что некоторые индивидуумы мечтать не умеют. Любое событие, которое хоть как-то выходит за рамки их возможностей кажется им несбыточным, как полет на Луну после сытного завтрака.

Мечта – это такой орган в организме как печень, почки или, там, легкие, например. Некоторые считают, что это бесполезный придаток сердца. Некоторые просто живут с таким мнением, даже не подозревая собственной неполноценности. А вместо мечты у них под сердцем образуется сырая полость, или, проще говоря, пустое мокрое место.

Таких людей всегда можно определить по полинявшему взгляду.

Загляните к ним в глаза и вы увидите пустоту. Поймайте их дыхание и вы почувствуете запах плесени. Прислушайтесь к стуку их сердца и вы поймете, что стучит оно глухо, с противным песочным треском, как прохудившийся барабан.

Стук сердца эхом носится по пустоте и гаснет, запутав-

шись в заплесневелой паутине сплетенной черным паучком обыденности.

Паутина в полости мечты располагается концентрическими кругами «работа – дом – работа» и люди носятся по этому кругу как сумасшедшие, постепенно скрываясь в коконе повседневности.

Некоторым иногда удается выбраться из кокона и стать пленительно прекрасной бабочкой, вырастить, взлелеять свою мечту, для которой под сердцем всегда, и, несмотря ни на что, остается место. А некоторые сдаются, превращаясь запутавшуюся в сетях, сушеную зеленую муху.

Кто-то сказал, что от долгой продолжительной жизни у людей образуются прожизни. Так вот. Эти прожизни образуются под сердцем, там, где должна жить мечта. Для каждого своя.

Кто-то мечтает купить остров в Адриатическом море. Кто-то – сыграть в большом театре князя Мышкина. Кто-то спит и видит запеченного молочного поросенка фаршированного гречневой кашей. Для кого-то предел мечтаний – рюмка водки перед ужином, «ибо язва, понимаете ли». Кому-то для полного счастья не хватает жены-красавицы. Кто-то мечтает отделаться от своей старой гримзы...

Но качество мечты для всех одинаково. Она непременно сбудется. Не сегодня, так завтра. Не завтра, так через год. Не через год, так когда-нибудь, но всенепременно. У мечты всегда одно качество. И это качество – ВЕРА!

А иначе зачем мечтать?

Часть первая

Дядя Родик

Глава первая

В которой мечта приобретает реальные очертания, начиная от плавно изгибающейся линии бедра. И в которой выясняется, что миллионеры, тоже люди.

И мечта сказала, приятным тихим, мелодичным женским голоском:

– Могу ли я вам чем-нибудь помочь?

Так, наверное, поют херувимы витая на своих невесомых крылышках в кущах благоухающих нежностью и страстью орхидей за золоченой оградой райского палисадника.

Так среброхвостые русалки околдовывают одинокого несчастного рыбака застигнутого штилем посреди бескрайнего океана.

Так эльфийские принцессы, прячась в зеленой листве, потешаются над юным охотником уснувшим под раскидистым

вековым дубом...

– Вам нужна моя помощь?

Родик опустил рекламный проспект на крышку пустого кейса, лежавшего у него на коленях, глядя перед собой в пол, и уткнулся взглядом в изящные, открытые «английские» замшевые туфельки лодочкой, на непостижимо высоком и тонком каблучке. В туфельках обитала парочка очаровательных, точеных женских ножек, как будто только, что вышедших из-под резца Микеланджело или Родена.

Взгляд Родиона скользнул вверх, по резным коленкам и далее по тугому изгибу, округлых бедер, плотно обтянутых зеленой трикотажной юбкой, к тонкой осиной талии перехваченной витым кожаным ремешком, потом выше, по изумительному бюсту сокрытому под плотно облегающей вязаной кофточкой в салатовую и белую поперечную полоску, к острым плечикам, лебединой шейке и обрамленному огненно-рыжим каре миловидному личику.

Это восхождение к своей мечте Родик совершил секунды за три, но ему показалось, что он прошагал целый день, преодолевая ложбинку за ложбинкой и перевал за перевалом.

Именно так в его понимании и должна была выглядеть девушка-мечта.

Каждый раз, когда на холостяцком жизненном пути Родиона попадалась более или менее роскошная женщина, он мучительно пытался представить ту самую заповедную капустную грядку, где, несомненно, удачливые родители находят

младенцев, из которых потом вырастают такие неземные создания женского полу.

Но еще труднее ему было вообразить мужчину, достойного греться в ослепительных лучах этого женского очарования. Как ни странно, но по жизни такими мужчинами оказывались люди невзрачные, бесталанные, попросту говоря – серые мышки.

Однажды Родион понял, почему так происходит. Красивая женщина изначально настроена на то, что мужчины перед ней должны преклоняться. А мужчинам сильным, талантливым и красивым качество самопреклонения не свойственно в принципе. Они сами ждут того, что бы перед ними преклонялись. Спины гнут только явные посредственности. Вот и получается, рядом с писаной красавицей почти всегда находится этакий придверный пыльный половичок, о который она в свое время с удовольствием вытерла ножки, и который, в свое время, так удачно перед ней распластался.

– Извините, что заставила вас ждать, – улыбнулась девушка-мечта Родиону, наконец, встретившись с ним взглядом, и в знак извинения махнула перед собой кожаной планшеткой, на которой был укреплен листок анкеты и тонкая шариковая ручка. – Только, что отправила большую семью отдыхать на Кипр. Семейка попала с претензиями. Но ничего. Вроде бы всех все устроило, – мечта устало вздохнула. – Вы тоже хотите, где-нибудь отдохнуть?

– Хочу, – кивнул Родик и тоже улыбнулся. – Просто меч-

таю.

– Это моя работа, – сказала девушка.

– То есть? – спросил Родион.

– Моя работа – воплощать мечты в реальность, – уточнила она.

– Замечательная работа, – согласился Родик.

– Кофе? – спросила девушка, открывая дверцу шкафа-серванта, в котором стояла кофеварка.

– Пожалуй, – кивнул Родион, с интересом и легким восхищением следя за плавными движениями девушки.

– Меня зовут Вероника, – сказала девушка, включив кофеварку и снова повернувшись к Оболенскому. – Я старший менеджер агентства. Наше туристическое агентство одно из самых престижных и старых в Москве. Вы правильно сделали, что остановили свой выбор на нас.

– Родион Оболенский... У вас замечательное имя, – заметил Родион, пропуская мимо ушей саморекламу. – Вера и Ника. Иначе говоря – вера в победу.

– Я знаю, – сказала Вероника, подставляя чашку под журчащую кофейную струю.

– Это судьба, – усмехнулся Родик, чувствуя как ароматный запах кофе распространяется по офису.

– Судьба? – переспросила девушка и, недоумевая, посмотрела на Родиона. – Вы о чем?

– Я о стечении обстоятельств, – сказал Родик. – Моя мечта, наконец, сбудется благодаря прекрасной девушке с не ме-

нее прекрасным именем. Ве-ро-ни-ка! – по слогам произнес Родик. – Вера в победу... Замечательно!

– Вы верите в судьбу? – спросила Вероника, поставила на столик перед Родиком чашечку горячего кофе, закрыла сервант и опустилась в кресло рядом с Родионом, прикрыв коленки планшеткой.

– Верю, – ответил Родик, взял в руки чашечку и осторожно сделал маленький глоточек, держа блюдце под доньшком. – Хороший кофе! – похвалил он.

– Спасибо, – кивнула Вероника, взяла ручку и несколькими легкими штрихами нарисовала на полях что-то вроде ромашки с тремя лепестками. – Куда вы хотите поехать? Египет? Кипр? Греция? На Кипре сейчас очень даже неплохо... Может быть, что-нибудь более экзотическое? – на полях анкеты у ромашки появилось еще несколько лепестков. – Таиланд? Маврикий? Сейшельские острова?

– Рио-де-Жанейро, – коротко ответил Родик. – Моя мечта – Рио-де-Жанейро.

– Хороший выбор, – кивнула Вероника и, что-то чиркнула в анкете. – Когда вы желаете туда отправиться?

Родион пожал плечами и отпил немного кофе.

– Не знаю. Понимаете, Вероника, я так долго этого хотел, что неделя, месяц или полгода для меня значения уже не имеют...

– Ну-у-у... – протянула девушка и мило усмехнулась. – Думаю, что полгода вам ждать не придется. Через неделю

мы отправляем чартер в Бразилию. Советую лететь именно этим чартером, потому, что в это время в Рио как раз будет разгар карнавала. Феерическое зрелище! Самая интересная и благодатная пора для туристов. Получите массу незабываемых впечатлений!

– А мулаты будут?

– Мулаты? – Вероника сделала круглые глазки.

– Мулаты, – кивнул Родик. – Как известно, в Рио-де-Жанейро полмиллиона мулатов и все в белых штанах!

– Не знаю как насчет белых штанов, – усмехнулась девушка, но более трети населения Бразилии – мулаты. Возможно часть из них носит белы брюки... А это принципиально? – глазки девушки заискрились смехом.

– Ужасно, – с нарочитой серьезностью ответил Родик. – Если вы мне не организуете хотя бы тысячу мулатов в портках цвета лебединого крыла, то считайте, что потеряли меня как клиента!

– Ну и запросы у вас! – рассмеялась Вероника. – А полсотни малиновых крокодилов, говорящих на иврите вас не устроит?

– Только если они говорят без акцента и брюшко у них в красный горошек с просинью, – категорично заметил Родик. – Хотя, по правде сказать, это слабая альтернатива.

– Что ж, – вздохнула девушка. – Желание клиента – закон для фирмы, – она быстренько сделала пометку в анкете.

– И чего вы там написали в своей бумажке? – с умным

видом поинтересовался Родион. – Неужели про мулатов?

– Нет, – покачала головой девушка.

– Тогда про крокодилов? А?

– Тоже нет, – рассмеялась Вероника. – Просто отметила, что у вас имеется неплохое чувство юмора. Это анкета для вашего личного гида. Чтобы ему было легче с вами работать.

– А я-то ду-у-умал, – протянул Родион, изображая разочарование. – А у меня будет собственный гид?

– Это уж как пожелаете. Вы можете путешествовать по Рио с гидом-переводчиком или в группе из трех и более человек... Естественно, от этого зависит цена тура.

– И кто будет моим гидом? Неужели вы? Не смею надеяться. Но очень бы хотелось иметь такого очаровательного гида-переводчика!

– Увы и ах, – Вероника махнула в воздухе авторучкой как дирижер палочкой. – Вашим переводчиком я не смогу стать при всем своем желании... Я не знаю португальского.

– Жаль, – вздохнул Родик.

– Мне тоже, – немножко формально отозвалась девушка. – Вы мне чем-то симпатичны. – Она мельком окинула взглядом Родиона Оболенского.

– Неужели? – Родик посмотрела на девушку и сразу припомнил сорок четвертое правило «взломщика» «Не стоит долго смотреть на солнце и на красавиц. От первого слепнут глаза, от второго сердце.» – Наверное, это вы говорите каждому своему клиенту, не обремененному семейной жизнью.

– Нет, не каждому, – Вероника сделал еще одну пометку в анкете.

– И чего вы там снова про меня пометили для вашего гида?

– Ничего особенного, – пожала плечиками девушка. – То, что вы неженаты.

– Что еще вам нужно обо мне знать?

– Чем вы занимаетесь?

– Я? – Родик вскинул брови.

– Можете не отвечать, – сказала Вероника. – Это анкетирование – чистая условность.

– Почему же, – Родион улыбнулся. – Я отвечу. Я – собиратель.

– Собиратель чего? – девушка широко улыбнулась в ответ. – Народного фольклора?

Родик заметил, что белозубая улыбка девушки имеет небольшой дефект. Верхние резцы немножко сбились в кучку. В детстве она наверняка носила «скобку».

«Ага! – с удовлетворением заметил про себя он. – Как говорил мой друг Костя Остенбакин: „Нет Яна без изъяна!“. Зубки, то у нее не так прекрасны как все остальное. В нашей стране красивые зубки у женщин встречаются гораздо реже, чем красивые ножи. Хотя при современном уровне стоматологии...»

– Народного фольклора? – переспросил Родик. – Нет. Я, скорее, нумизмат, чем фольклорист.

– Нумизмат? – Вы коллекционируете старинные деньги? – с удивлением произнесла девушка. Как интересно! Если не секрет. Это не для анкеты, – поспешила заверить она молодого человека. – В наше время это приносит прибыль?

– Дорогая моя Вероника, – рассмеялся Родик. – Коллекционирование старинных денег, наверное, тоже может приносить прибыль. Но гораздо легче можно повысить свое материальное состояние, коллекционируя деньги современные! Я собиратель современных денег. Или, если вам угодно, коллекционер.

– Очень интересно, – девушка поджала губки и, как бы, с пониманием покачала головой. – Я даже не спрашиваю, где вы их собираете, потому, что вы наверняка мне ответите про то, что «места надо знать» и все такое...

– Да, что вы! – расхохотался Родион. – В нашей стране деньги валяются прямо на тротуаре!

– Ну да, – кивнула девушка. – Может мне бросить к черту эту работу и устроится дворником? По всей видимости, дворники самые богатые люди, потому, что метут тротуары...

– Дворники самые бедные люди, – возразил Родик. – Именно потому, что они метут тротуары, а не подметают с тротуаров деньги. Это два разных принципа.

– Ладно, – отмахнулась Вероника. – Будем считать, что вы просто коммерсант, – она сделала пометку в анкете.

– Я не согласен, – возразил Родион Оболенский. – То чем

я занимаюсь – не коммерция. Это искусство! Коммерсанты торгуют табуретками. Я делаю деньги.

– Значит вы финансист?

– Тоже нет. Финансист спекулирует деньгами. Я же их ДЕЛАЮ!

– Вы, еще скажите, что фальшивомонетчик!

– Боже упаси! – Родик всплеснул руками. – Это пошло и чревато! Я делаю деньги законно.

– Тогда вы работник фабрики госзнака?

– Вероника, все-то вы пытаетесь понять буквально! – улыбнулся Родион. – Я делаю деньги благодаря идее. То есть, я в каком-то смысле идейный борец за деньги.

– И какой была ваша последняя идея?

– Последняя? Так... Кое-что из области движимой недвижимости.

– Это как?

– Я продал Луну.

– Луну? – Вероника широко открыла глаза. – Что-то такое припоминаю. В прошлом году... в Петербурге. Некий чудак с большой помпой пытался распродавать участки на Луне. Так это были вы?

– Я.

– Интересно. И у вас получилось?

– Получилось. Идея была неплохая, – пожал плечами Родик.

– Наверное, вы неплохо заработали? – поинтересовалась

девушка. – Хотя, конечно, это не мое дело. Просто так. Женское любопытство.

– Ничего, – улыбнулся Родион. – Я понимаю, – сказал он и с весьма обыденной интонацией добавил, как будто речь шла о какомнибудь пустяке. – Я заработал миллион долларов

– Вау! – воскликнула девушка. – Я вижу живого миллионера!

– А вам все больше мертвые попадаются? – съязвил Родик.

– Очень смешно, – с улыбкой заметила Вероника.

– К сожалению, то, что вы видите перед собой не совсем миллионер, а точнее совсем не миллионер. Заработать – еще не значит иметь. Иначе я бы уже был в Рио-де-Жанейро, а не покупал у вас туда тур.

– Правда? Так куда же вы дели целый миллион долларов?

– Я его отдал законному владельцу Луны. Ирония судьбы.

– Обидно, – согласилась Вероника. – Расстаться с такими деньгами... Я бы этого не пережила.

– Ничего страшного, – сказал Родик. – Все еще получится.

– У вас есть новые, как вы говорите, идеи?

– Пока нет. Но они появятся обязательно.

– А сейчас?

– А сейчас я в отпуске и хочу посетить Рио-де-Жанейро.

Город своей мечты!

– Что ж, – сказала Вероника. – Вы пришли в нужное ме-

сто. Какой класс отеля предпочитаете?

– Коньячный!

–???

– Пять звезд. Не меньше, – сказал Родик.

Вероника сделал пометку в анкете.

– У вас будет три отеля в Рио на выбор... – сказала она.

– Замечательно!

– Желаете лететь эконом-классом, бизнес-классом или первым классом?

– Как можно, Вероника!? – воскликнул Родик. – Лететь навстречу мечте эконом-классом по меньшей мере пошло, а по большей мере негуманно по отношению к миллионерам. Я ведь, как вы заметили, миллионер, хотя и не состоявшийся!

Глава вторая

Кто бы чего там не говорил, а самолет не роскошь, а средство передвижения. Преимущественно по воздуху, если не считать тех коротких мгновений, когда воздушная колесница на тонких, по сравнению с ее огромной тушей, можно сказать, рахитических ножках шасси катиться по взлетно-посадочной полосе...

Как поется в песне: «Нам разум дал стальные руки-крылья, а вместо сердца пламенный мотор!» И, стало быть, «все выше и выше стремим мы полет наших птиц».

Как театр начинается с вешалки, так самолет начинается со стеклянного, похожего на давно немывтый аквариум, предбанника аэропорта, где подобно птичкам-стоматологам в пасти аллигатора тусуются говорливые, вальяжные таксисты – особая каста моторизированных извозчиков приписанных к зданию аэровокзала.

Их задача, убедить вновь прибывшего авиастранника в том, что дорога от аэропорта до города вполне сопоставима по расстоянию с марафонской дистанцией в сорок два километра, да и сама эта дистанция не из легких, так как пролегает по дну скалистых ущелий, негритянских гетто, под палящим солнцем африканской саванны, населенной тиграми, удавами, лицами кавказской национальности и злобными, кровожадными до денег сотрудниками государственной ав-

томобильной инспекции. Каждое из этих препятствий, стало быть, должно оплачивается отдельно, а по возможности комплексно.

Играя на чувствах еще не успевшего отойти от воздушной болезни пассажира, измотанного поиском багажа, и удрученного зрелищем спрессованной в живописный блинчик коробки с бабушкиным фамильным сервизом, «портовые» таксисты заламывают такие цены, что смущенный и покрасневший от стыда Господь Бог тут же затягивает небо над аэропортом тучами и объявляет штормовое предупреждение голосом авиадиспетчера, который, почему-то всегда сообщает об этом тоном проповедующего миссионера.

– Дети мои... Рейс трам-пам-пам такой-то задерживается по метеоусловиям... Бог даст, и погода скоро станетлетней...

Это если вы уже прилетели, благополучно миновав все воздушные ямы, грозовые фронты, перепады давления, мужественно вытерпев пролитый на брюки кофе, смирившись с заляпанной соусом рубашку и угрозой захвата самолета террористами.

А если вы только собираетесь подняться на борт белоснежного лайнера готового за несколько перекуров доставить вас хоть на северный полюс, хоть в город Червоноград к теще на пироги с семгой, то вам придется сначала понять, что такое зал ожидания большого аэропорта.

Здесь вам не железная дорога. Здесь все цивилизно и чи-

сто как в колонном зале дома союзов. Тут вы не встретите замечательных колоритных бабушек с кошелками наперевес. Здесь сплошь и рядом вас окружают джентльмены и леди, подчеркнуто-вежливые служащие аэропорта в синей униформе с распростертыми крылышками на лацканах, элитные, пластиковые чемоданы на колесиках, заляпанные наклейками с символикой городов мира.

О чемоданах стоит поговорить немного подробнее.

Если разобраться досконально, то, что есть, собственно говоря, чемодан? Чемодан есть культурно оформленный ящик с ручкой и замочком для переноса разной утвари принадлежащей своему хозяину – пиджаки, тапочки, брюки и рубашки также органично смотрятся во внутренностях каждого чемодана, как мыло в мыльнице или зубная паста в тубике.

Любой чемодан гордится своим содержимым. Это легко проверить, если внезапно открыть крышку. Он тут же выставит напоказ аккуратно уложенные вещи хозяина. Смотрите, какой я вместительный и сколько во мне помещается всякого разного!

Это вам не чахоточный бумажник, прячущий от посторонних глаз в своих многочисленных кармашках денежные купюры, визитки, записочки с телефончиками и гвоздик на удачу.

Но не набивайте ваш чемодан слишком сильно, иначе он от натуги, в самый неподходящий момент, высунет наружу

язык вашего любимого галстука.

Каждый чемодан – это личность! Если быть точным, упрощенная копия личности своего владельца.

Вот, у багажной стойки стоит черный кожаный кофр средних размеров из формованной кожи отличного качества, безупречный как денди, с округлыми упитанными углами, без единой царапинки и следов дорожной пыли. Многочисленные наклейки на его лоснящихся боках свидетельствуют о том, что перемещается он вслед за хозяином маршрутами престижными – Париж, Вена, Ницца, Стокгольм, Берлин, Амстердам. Каждая наклейка – как золотая веха на пути из страны в страну, из города в город по местам издавна считающимися очагами цивилизации.

Вот огромный, выдавший виды, потертый баул-трудяга, со стальными бляхами на углах, накрепко перехваченный алюминиевыми ребрами жесткости – вечный странник, рыцарь железных дорог, паладин авиаперелетов, настолько вместительный, что злые языки окрестили его «мечтой оккупанта». И наклейки на нем будут позакovskyристей, с восточными иероглифами и арабской вязью: Каир, Гонконг, Пекин, Бомбей, Токио...

Вот бесформенный, мягкий похожий на чехол от стиральной машины рюкзачище, обшарпанный и штопанный перештопанный. С ним и без наклеек все ясно: Москва, Петербург, Новосибирск, Петрозаводск, Нальчик...

И кофр, и баул и рюкзак можно отнести к особой касте

отряда «чемоданоподобных» ибо путешествуют они отдельно от своего владельца в багажных отсеках и на тележках носильщиков.

Особняком стоит «ручная кладь»: Кейсы, Портфели, Корзины, Сумки и, не побоюсь этого слова, Ридикули. Вот кто не отходит от своего хозяина или хозяйки ни на шаг! Это телохранители путешественника! Всегда рядом и всегда под рукой. В багаж их не сдают и всегда кладут в самое укромное место. Потому, что ручная кладь содержит в себе самое ценное: документы, туалетные принадлежности, смену белья, записную книжку, дорожный детективчик, запасные памперсы, пудреницы, помады, зеркала, бутерброды, термоса и бутылку водки или там, коньяка, кто что с большей любовью употребляет.

В общем, стоите вы посреди зала ожидания в окружении братьев ваших меньших и впереди у вас длинная дорога.

И что вы себе дальше думаете? Вот так вот просто – «сел – поехал»? Как же! Размечтались!

Самолет самое сложное транспортное средство в смысле погрузки-разгрузки, я уже не говорю о том, что самолет самое сложное транспортное средство в смысле техники.

Каждый мало-мальски технически образованный обыватель понимает, по какому принципу движется, например, велосипед – цепная передача и все такое.

Отдельные, обыватели – счастливые обладатели собственного автомобиля, понимают, из каких таких соображений

двигаются их Запорожцы, Жигули, Волги и Мерседесы. В одну дырку заливаем бензин, из другой выпускаем выхлопные газы и никак не наоборот. Плюс, там вращающиеся в определенном порядке поршни, шатуны, коленчатые и распределительные валы. Крутящийся момент передается от одного к другому и далее на колеса, как и положено.

Но какая такая сила заставляет подниматься в воздух трехсот восьмидесяти тонный Боинг – 747 представить, а тем более понять, очень сложно. Это вам не шарик гелием надуть из баллончика. Это – небесная механика. Штука, как известно тонкая, глазу невидимая и практически божественная.

Пассажиру остается только одно – глянуть в иллюминатор с высоты десять тысяч метров, полюбоваться бескрайними просторами земли-матушки (Красотища!) и сказать: «Летим!» Потом пожать плечами и еще раз произнести: «А ведь летим, черт возьми!» Хотя, рогатого, в этом случае поминать таки неуместно. До бога уж слишком близко. Во-о-о-он он с облачка на облачко перепрыгивает, с ангелами в теннис играет, понимаешь. Но это только если вы уже выпили достаточно, а если нет, то сидите себе и книжку читайте. И нечего в иллюминатор выглядывать.

Оказались, вы, значит, в здании аэропорта, но никто вас в самолет еще сажать не собирается, несмотря на наличие билета. Будьте добры, пожалуйста на регистрацию! Ибо небесная механика – наука точная, контроля и учета требует. Сколько пассажиров на самолет село, столько с него сой-

ти и должно.

Серьезно, можно сказать – категорично настроенные работники регистрационного терминала взвесят ваши вещички, просветят их рентгенаппаратом на предмет выявления взрывоопасных жидкостей, легкого и тяжелого вооружения, тайников с героином и плутонием двести тридцать девять. Если ничего такого в ваших баулах не обнаружится, то можете смело сдавать ваши пожитки в багаж, потому как в салон самолета разрешается брать только самое необходимое в долгой дороге. Например – ящик пива и кило сушеной тарани.

Ощущая легкое волнение, вы ставите чемоданы на ленту транспортера и с тоской наблюдаете за тем, как они исчезают в черном, похожем на погасшую духовку жерле багажного элеватора. Так, наверное, чувствует себя фронтовой генерал, когда его ударный, возвращенный в боях, танковый дивизион перебрасывают на другой фронт, не подчиняющийся его командованию.

Подхватив оставшийся в одиночестве маленький чемоданчик – вашего верного спутника и оруженосца, этакого Санчо Пансо от кожгалантереи, вы покидаете зал ожидания и направляетесь в «накопитель» вместе с другими «осиротевшими», «лишенными наследства» пассажирами вашего рейса.

«Накопитель» – это чистилище аэропорта. Здесь собираются души пассажиров готовых к отправке на небеса. Толь-

ко вместо лозунга «Оставь надежду всяк сюда входящий» над воротами в поднебесье висит премиленький плакат, с которого вам улыбается неземной красоты девушка в голубой униформе ангелов и такими же ангельскими крылышками на пилотке – «Счастливого полета!»

Пока вы занимаетесь подсчетом собственных прегрешений и составляете в уме завещание, к тамбуру «накопителя» подают вместительную ладью на колесиках, которая должна переправить вас на борт воздушного лайнера через черную асфальтированную гладь летного поля.

Ладья плавно покачивается на железобетонных волнах Стикса. В ладье нет сидячих мест, наверное, для того, что бы путешественник проникся почтением к небесам и ощутил своеобразие и торжественность текущего момента.

Еще немного и перед вами отворятся ворота рая, а пока вы имеете возможность наблюдать, как по аэродрому в сиянии желтых мигалок ползают тяжеловесные топливозаправщики, шныряют юркие машинки техслужб, автокары волокут сцепки тележек груженных багажом, самолетные трапы сиротливо бродят между могучими тушами авиалайнеров, как телята жирафов в поисках матери.

На протяжении всего пути от здания аэропорта вы гадаете, какой из притихших на стоянке самолетов скоро примет вас в свое чрево, таинственно мерцающее огнями иллюминаторов. Наконец вас высаживают на землю возле огромного крылатого агрегата при взгляде на который кажется, что,

действительно, только божественная сила способна оторвать от земли это стальное сооружение.

Подают трап. Он нежно и трогательно прикасается огромными резиновыми губами к дюралевому брюху самолета и это касание служит сигналом для того, что бы ангелы-стюардессы населяющие летающую колесницу открыли люк и сошли к вам на землю, что бы удостоверится в том, что каждый из пассажиров обладает пропуском в рай – заветной прямоугольной полоской авиабилета. Только после этого вам будет дозволено шагнуть на первую ступеньку лестницы ведущей на небеса.

Глава третья

В которой аппетит приходит вовремя...

А еду как всегда задерживают.

***И в которой выясняется, что коней
на переправе не меняют, зато меняют
самолеты и гидов-переводчиков.***

Несмотря на заверения девушки с чудесным именем Вероника, первого класса в чартере «Москва – Рио-де-Жанейро» не оказалось.

Сама Вероника появилась в аэропорту только после того, как довольно многочисленная туристическая группа, к которой был прикреплен Родик, отправляющаяся на карнавал в Рио-де-Жанейро, промаршировала в зале ожидания более двух часов; Кофеварка в местном буфете стала давать сбои и рассержено плевать раскаленным паром; Количество кофе выпитого новоиспеченными туристами уже можно было измерять литрами; А Боинг-747 обязанный доставить кучку русских путешественников в другое полушарие, по идее, уже как сорок минут должен был находиться в воздухе.

За это время Родион успел изучить почти всех членов своей туристической группы.

Желающих посетить Рио в разгар карнавала, несмотря на дороговизну самого мероприятия, оказалось не так уж мало.

Кого здесь только не было.

Несколько семейных парочек разного возраста с детьми и без оных.

Парочки вели себя довольно неприметно, разговаривали тихие семейные разговоры, зорко следя за своими курсирующими по залу ожидания чадами и бдительно охраняя чемоданы.

С виду молодая, по-видимому довольно обеспеченная, холеная женщина, внешне выглядевшая безупречно и моложаво, лет на двадцать младше своего реального возраста, но эта моложавость, по мнению Родиона, далась ей ценой многочисленных и бесконечных пластических операций.

Женщина сидела в затененном углу кафе, медленно тянула через соломинку мартини со льдом и тремя оливками, изредка украдкой прикасаясь подушечками пальцев к коже лица, словно проверяя, не сдвинулись ли под ней нити золотого армирования.

Родион сразу окрестил ее «Мадам». Несколько раз, намеренно поймав взгляд Родика, она посылала ему едва уловимую многообещающую улыбку. Встретив взгляд Мадам, Родион улыбнулся в ответ и, как бы случайно, посмотрел на юную, сногшибательную, избалованную солярием и бриллиантами, одинокую девицу, с надменным видом, сидевшую

за стойкой бара откровенно выставяющую на показ свои женские прелести – стройные ножки, обтянутые стрейчем и упругую грудь под тонким шелком кремовой блузки.

Оценив этот маневр Родиона Мадам одарила его испепеляющим взглядом и, сузив глаза, посмотрела на юную, с ее точки зрения, мягко скажем, «гетеру», при этом, уже без помощи соломинки отхлебнув свой мартини, с таким кислым видом, словно в бокал была налита уксусная кислота.

Рядом с «гетерой», спроваженной своим мужем, а скорее всего отцом, на заокеанский материк, на двух близко сдвинутых высоких табуретках, как голубки на жердочках, сидела парочка похоже одетых молодых людей шеголеватого вида: безупречное бритье, отполированные до блеска ногти, идеально вычищенные туфли, элегантные костюмчики, со вкусом подобранные галстуки и носки. Молодые люди чуть слышно беседовали, глядя друг другу в губы и изредка, как бы случайно, соприкасаясь коленками.

Целый ряд кресел недалеко от входа в кафе занимала живописная группа стройных юношей и девушек – человек пятнадцать. Ребята довольно весело проводили время, врубив на полную катушку магнитофон, и выплясывая под льющисея из динамиков задорные звуки барабанов, гитар и труб, ритмичные, чрезвычайно эротичные, латиноамериканские па самой, что ни на есть натуральной, зажигательной самбы. Танцевали они очень артистично и профессионально. Скорее всего, эта группа туристов отправлялась на карнавал

в Рио не в качестве зрителей, а как прямые участники феерии танца.

Сумятицы в несколько нервную картину ожидания у моря погоды добавляла стайка детишек разного возраста, копошащаяся согласно закону броуновского движения молекул вокруг пышнотелой, похожей на взъерошенную курицу-наседку женщины. Ее птенчики так и норовили улизнуть из-под теплого крылышка и сотворить, что-нибудь этакое: забраться под стол, залезть гурьбой на багажные весы, подергать за листья стоящую в углу пальму, наклепать из бланков таможенных деклараций самолетиков...

Кто-то дернул Родиона снизу за штанину. Родик заглянул под стол и столкнулся нос к носу с белобрысым шестилетним мальчуганом.

– Тсссс! – зашипел малыш, приставив к розовому беззубому рту пальчик. – Тсссс! Не клици! Я сссдессь тайно! – проговорил он, шепелявя и глотая букву «эр». – А то мама-Таня услысыт!

– Ладно, не буду, – шепотом пообещал Родик в ответ. – Чего надо-то? – улыбаясь, поинтересовался он у мальчугана.

Мальчик, стоя на четвереньках, суетливо оглянулся по сторонам и поманил Родика пальцем. Родион пригнулась еще ниже.

– Кофету купи, – требовательным горячим шепотом произнес малыш прямо в ухо Родиону.

– И все?

– Угу.

– Тебя как звать?

– Петя.

– Ну ладно, Петя, – усмехнулся Родик. – Пойдем. – Он встал и пошел к барной стойке.

Малыш, презрев все режимы конспирации, выбрался из-под стола и бодренько так заспешил вслед за Родиком.

– Какую? – спросил его Родион у бара.

– Цупа-Цупс! Лепесиновый! – мальчуган с чистой, искренней, детской непосредственностью не мигая, смотрел снизу вверх на Родика.

– Апельсиновый?

– Угу.

– Нам, пожалуйста, апельсиновый! – Родион повернулся к барменше, которая все это время с ухмылочкой наблюдала за мальчиком и молодым человеком.

Расплатившись, Родик взял конфету кончиками пальцев за палочку и, поворачиваясь, произнес:

– Держи свою конфету, Пеее... – Родион замер на полуслове. – ...ееетя... – Перед ним в шеренгу стояло с десятков ребятишек, трогательно протягивая вперед раскрытые ладошки и глядя на доброго дядю честными глазками.

«Ну, аферист! – восхищенно подумал Родион о белобрысом мальчугане. – Далек пойдет, парень!»

Родион не нашел ничего лучшего как спросить:

– Ну? Который из вас Петя?

– Я!!! – хором ответила шеренга юных конфетолобов.

– Мда, – Родик, прищутив один, глаз почесал затылок. – Как говорил мой друг Костя Остенбакин: «Проблемка образовалась»...

– А ну, кыш! Кыш, по местам! Я вам где сказала сидеть? – сзади, как насадка на нерадивых птенцов, налетела на де-твору мама-Таня. – Извините, ради бога! Она собрала ребят в кучку и закрыла их от Родика, или, скорее, Родика от них, своим телом. – Они такие непоседливые. Вечно, что-нибудь придумают. Я пока младшенькому памперсы меняла, они и разбежались... Ф-ф-ф! – женщина дунула на прилипшую к вспотевшему лбу челку.

Несмотря на полноту, личико мамы-Тани выглядело довольно милым.

– Странно, что у такой молодой девушки как вы столько детей, – заметил Родион, вращая конфету в пальцах за палочку. – Это все ваши?

– Да, нет, – смущенно улыбнулась женщина. – Моих тут только один. Петька. А остальные приемные... Нам один банкир путевку выделил как самому лучшему семейному детскому дому. Вот мы и собрались попутешествовать. Интересно ведь. Правда?

– Правда, – кивнул Родион.

– А, ну, кыш-кыш, на место! – Мама-Таня решила, что инцидент исчерпан, и погнала своих пингвинчиков в дальний угол зала ожидания. – Извините, еще раз, – виновато

бросила она Родику через плечо.

Родик повернулся к буфетчице.

– Знаете, что? – сказал он. – У вас есть еще целая упаковка таких конфет? – Родик показал конфету на палочке.

– Конечно, – кивнула буфетчица.

– А, ну-ка, давайте ее сюда! – весело проговорил Родион, доставая бумажник из своего кейса.

Спустя пять минут, под всеобщее детское ликование, прямо в зале ожидания аэропорта состоялась торжественная раздача слонов.

– Ну, зачем вы... Не стоило... Они у меня и так избалованные... – краснея и смущаясь бормотала мама-Таня, наблюдая за восторгом своих детишек. – Так! Так! Так! – захлопала она в ладоши привлекая внимание детворы. – Что нужно сказать?

– Спасибо... – послышалась в ответ нестройная разногласица.

– Нет, не так! – она посмотрела на Родиона. – Извините, как вас зовут?

– Родик.

– Внимание! – она снова хлопнула в ладоши. – Нужно сказать: Спасибо дядя Родик! Раз, два, три! – хлопок в ладоши.

– Спасибо! Дядя! Родик! – на этот раз громким, звенящим хором отозвались ребята.

– А вы тут, оказывается, уже стали популярной личностью! – послышался за спиной Родиона ехидный голос Ве-

роники. – Хм, не думала, что у вас столько племянничков, дядя Родик!

– Здравствуйте, – с улыбкой кивнул Родион, поворачиваясь к девушке. – Так вот получилось.

– Здравствуйте, – с улыбкой кивнула Вероника.

Выглядела она на этот раз еще очаровательней: плотный, вязаный светло-коричневый свитер с высокой горловиной, высокий каблук лайковых полусапожек, кожаные облегающие брюки.

– Господа! – приложив ко рту ладошки рупором, громко сказала она. – Всем, тем, кто приобрел тур на Рио-де-Жанейро у агентства «Атлантис» – просьба подойти ко мне!

Вокруг Вероники собралось человек пятьдесят народу – всего несколько туристических групп. Родион стоял совсем рядом с девушкой, чувствуя, как обворожительно пахнут ее волосы.

– Господа, – произнесла Вероника ровным, спокойным голосом – «Атлантис» приносит вам свои извинения за задержку авиаперелета. Дело в том, что у зафрахтованного нашим агентством Боинга-747 обнаружилась серьезная неисправность, устранить которую в ближайшее время возможным не представляется.

– Все это время я вела переговоры с другими авиакомпаниями и одна из них, «Багратиони-Аэролайн» согласилась предоставить нам аэробус Ил-62 для перелета «Москва – Рио-де-Жанейро» и обратно с промежуточной

посадкой во Фритауне, Республика Сьерра-Леоне. К сожалению, на данном самолете отсутствует первый класс. Все те, кто собирался лететь первым классом, будут размещены в бизнес-классе и получат соответствующее возмещение.

– Если кого-то не устраивает это обстоятельство, то тот может разорвать договор с турагентством «Атлантис» и получить обратно свои деньги, – Вероника сделала паузу. – Еще раз приношу свои извинения. В остальном обязательства «Атлантиса» будут выполнены в полном объеме. Кроме того, любой из наших клиентов, в знак моральной компенсации за томительные часы ожидания получит подарок. Каждый из вас сможет купить все, что захочет в баре-ресторане самолета на сумму эквивалентную пятидесяти долларам США на взрослого человека и двадцати пяти на ребенка. У меня все. Еще раз приношу свои извинения от агентства и от себя лично. Начало регистрации через... – девушка элегантно вскинула ручку и посмотрела на свои часики. – Через двадцать семь минут. Спасибо. Со всеми вопросами – ко мне.

У большинства будущих пассажиров весть о том, что посадка на самолет вот-вот состоится, вызвала оживление. Отказываться от поездки никто и не думал, включая Родиона.

– У меня есть вопрос, – «не отходя от кассы» сказал Родик. – Вероника, вы мне обещали личного гида-переводчика. Хотелось бы с ним познакомиться поближе.

Девушка улыбнулась.

– Не знаю, огорчу я вас или обрадую, но ваш личный гид-переводчик заболел и... – она умолкла, хитро глядя на молодого человека.

– И?

– И теперь вашим гидом буду я!

Глава четвертая
В которой рассказывается
замечательная история
о маленьком добродушном хомячке,
и почти сказочном
принце дальнего плавания.

Мама называла Веронику Хомка. Папа – Хомочкой. Учителя в школе, естественно за глаза – Хомячком. А одноклассники – Хомяк. Хомяк и все тут. Никакого обидного смысла в это слово не вкладывалось. Хомяк и Хомяк.

- Хомяк, дай списать матру! (В смысле математику.)
- Хомяк, ты сегодня дежуришь!
- Хомяк, займи очередь в буфете!
- Хомяк, линяем с физры!
- Хомяк, приходи сегодня ко мне на день варенья!
- Хомяк, дай стерку!
- Хомяк, давай дружить!
- Хомяк, айда в кино!
- Хомяк! Эй, Хомяк!

Где-то в пятом классе она получила свою первую записку с признанием в любви от невзрачного, волоокого, тихого мальчика по имени Сережа, сидевшего за первой партой

у окна. В записке неровными, почему-то печатными буквами было написано:

«Хомяк, я тебя люблю!»

Хомяк и Хомяк. Ничего обидного, потому, что в детстве Вероника натурально выглядела этаким плюшевым симпатичным хомячком. Неподдающаяся никаким гребешкам копна огненно-рыжих волос, полненькое крохотное нескладное, несколько бесформенное, совсем не девчачье тельце. Пухлые щечки. Маленький курносый носик и огромные серые глаза, полные удивления и неподдельной детской искренности. Плюс не снимаемая стоматологическая скобочка из нержавеющей стали, медленно, но верно выпрямляющая верхние резцы выпирающие из-под розовых губок бантиком.

При всей своей кажущейся нескладности и, может быть, даже где-то уродливости Хомочка выглядела весьма обаятельно.

– Ах, какой симпатичный хомячок! – хлопали в ладоши друзья и знакомые родителей. – Какая замечательная девчушка!

– Это наша маленькая Хомочка! – любовно восклицали родители Хомки и улыбались.

Хомка тоже улыбалась, сверкая блестящей скобкой на зубах.

Родители Хомочки, беспредельно влюбленные друг в друга и в свою дочь, считали себя самыми счастливыми людьми на земле. У них был Хомочка – первый и, так сложилось,

единственный ребенок.

Появление на свет Хомки им казалось чудом. Считалось, что мать Вероники вообще не может иметь детей и, тем не менее, она забеременела.

Но это еще не все. У нее был настолько узкий таз, что нормальные роды в девяносто девяти случаях из ста должны были закончиться неудачей. Врачи уговаривали ее сделать аборт, но она отказалась в надежде на кесарево.

Но и это еще не все. Хомочка родилась мертвой. Сердечко ее не билось. Оно остановилось сразу, как только началась операция. Врачам пришлось делать прямой массаж ее крохотного сердца.

Хомочка ожила.

Папа назвал ее Вероникой, в честь безграничной веры супруги в победу материнского счастья. А мама перекрестила в Хомочку, Хомку. Потому, что когда ей впервые показали дочь, она вместо прекрасного, неземного дитя, которого тысячу раз представлял себе во сне и наяву, увидела маленького, чудного, сморщенного голубого «хомячка».

«Как вы яхту назовете, так она и поплывет...»

Хомочка росла, полностью соответствуя каждому из имен. Оставаясь похожей на хомячка, девчушка имела бойкий, заводной нрав. Она была везде и во всем первой. В играх, в учебе, в детских проказах и шалостях. Сверстники ее очень уважали за покладистость и незаносчивость. Хомочка ухитрялась быть первой и в тоже время оставаться на-

равне со всеми.

По поводу своей внешности все детство Хомка нисколько не комплексовала. Лет до четырнадцати. Проблемы начались к пятнадцати годам, когда ее школьные подружки одна за другой стали превращаться в лощенных, симпатичных барышень, а она так и осталась Хомяком: толстушкой без талии с пухлыми щечками и чертовой скобкой на передних зубах.

Она по-прежнему была душой любой компании, заводилой и выдумщицей, но с танцулек подружки возвращались каждая под ручку со своим кавалером, некоторых даже увозили на авто, а она топала домой одна.

Одна спускалась в метро, украдкой, с завистью поглядывая на проплывающие по противоположному эскалатору целующиеся парочки, раскачивая языком во рту ненавистную скобку. А потом горько плакала, уткнувшись лбом в надпись «не прислоняться» на двери вагона, сквозь пелену слез, наблюдая, как мечутся и танцуют по стене туннеля черные «удавы» электропроводов.

И тут появился он. Владик.

Владик был старше Хомки в два раза. Она только что закончила школу и собиралась поступать в институт. Он только, что вернулся из рейса и получил должность старшего судового помощника капитана.

И было лето. И был месяц август. Большой город насквозь пропах пылью и бензином. Вероника сидела на скамейке

и грустно так ела мороженое. Домой идти не хотелось. По тихой улице возле Хомкиного дома изредка, не спеша катились машины. Солнце, пробивающееся сквозь листву, играло тенями на блестящих, лакированных капотах проезжающих автомобилей. Мимо Вероники медленно, гораздо медленнее других прокатился двухведерный джип. Водитель, вывернув шею, разглядывал Хомку.

– Дурак, – сказала Вероника и, лизнув мороженое, отвернулась.

Джип доехал до следующего перекрестка и, там развернувшись, снова продефилировал мимо девушки. Водитель смотрел на Хомку во все глаза.

– Подумаешь, – фыркнула девушка и отвернулась в другую сторону.

Джип проехал мимо нее еще раз, затем еще раз и еще. Мороженое подтаяло с одного боку и потекло. Вероника подставила руку под тонкую белую струйку. Джип остановился напротив скамейки. Из машины вышел до крайности смущенный невысокий мужчина, в стоптанных, но дорогих кроссовках, в потертых голубых джинсах и полинявшей футболке, с непослушным ежиком подернутых ранней сединой волос, с золотым колечком-серьгой в каждом ухе, и осторожно присел на скамейку в метре от девушки.

Хомка невозмутимо слизала с ладошки растаявшее мороженое.

– Любишь мороженое? – спросил водитель джипа.

– Люблю, – ответила Вероника.

– Я тоже, – вздохнул новоявленный собеседник.

– Ну, так на! – Вероника протянула ему слизанное наполовину мороженое.

– Спасибо, – грустно сказал водитель, принял из ее рук оставшуюся половинку вафельного стаканчика и суетливо лизнул его с подтаявшего края.

Вероника скривила уголок рта в усмешке.

– Вкууусно, – с детской интонацией в голосе проговорил водитель джипа.

– На здоровье, – усмехнулась Вероника.

– Правда, я больше эскимо люблю, – как бы извиняясь, ответил мужчина.

– Ну, извините, – развела руками девушка. – Знала бы, что вы появитесь, эскимо бы купила... Хотя эскимо не было, – поправилась она. – Я тоже больше эскимо люблю, – призналась Хомка.

– Ничего, – сказал мужчина. – И так хорошо, – он еще раз лизнул мороженое.

Вероника искоса с интересом наблюдала за этим немного странным человеком.

– Почему вы на меня так смотрите, – смущенно произнес он, заметив взгляд девушки.

– Да так, – пожала она плечами. – Вы... Вы какой-то... Смешной что ли... Странный...

– Правда?

– Правда.

– А вы, девушка, очень красивая. Я это сразу заметил, – мужчина смутился. – Вы извините меня, что я тут так мимо вас галсы менял. Не подумайте чего плохого. Просто вы мне очень понравились.

Настала Хомкина очередь смущаться. Она привыкла, что люди к ней относятся очень хорошо. Называют и умницей, и кудесницей, и просто душкой... Но красивой очень редко. Почти никогда.

– Что вы, – всплеснула Вероника руками. – Я совсем некрасивая! – и она, покраснев, и смутившись еще больше, прикрыла рот ладошкой, чтобы не сверкать своей злосчастной скобкой.

– Вы красивая, – утвердительно покачал головой мужчина, поджав губы и глядя куда-то перед собой. – Просто не все это видят. Просто ваше время еще не пришло. А оно придет обязательно, вот увидите, и вы будете одной из самых красивых женщин в этом чертовом городе. Я точно говорю! – собеседник Вероники откусил край вафельного стаканчика.

– Я вам не верю, – нахмурившись сурово и немного обижено проговорила девушка.

Веронике показалось на секунду, что этот мужчина над ней просто издевается.

«Нашел дурочку!» – зло подумала она про себя.

– И напрасно! – мужчина, широко улыбнувшись, посмотрел на Хомку, отправил остатки вафельного стаканчика

в рот и без всяких сантиментов вытер липкие, сладкие руки о джинсы. – У меня отменная интуиция. Я не хвастаюсь, но скажу, что могу предугадать начало шторма за полчаса до того как на горизонте появится первое облачко.

– Враки, – хмыкнула Хомка.

– Не-а, – невозмутимо отметил мужчина, посмотрел на ясное, теплое небо, а потом на часы. – Например, через двадцать минут начнется гроза.

– Так уж и через двадцать? – ехидно переспросила девушка. – А почему не через час?

– Через двадцать, – мужчина еще раз взглянул на небеса. – Ну, может быть через двадцать пять максимум!

– Вы, наверное, прогноз по радио слышали, – догадалась Хомка.

– Ничего я не слышал, – пожал плечами мужчина.

– А чем докажете? – Хомка была само ехидство.

– Чем? – ее собеседник оглянулся по сторонам и пробормотал. – Чем-чем... – Его взгляд упал на дальний конец улицы заканчивающейся круглой площадью, посреди которой рос высокий старый тополь. – Пожалуйста! Первая же молния ударит во-о-он в то дерево на площади!

– Вы рискуете проиграть, – с усмешкой заметила Хомка. – Тоже мне Нострадамус!

– Рискую, – согласился мужчина. – И даже иногда проигрываю. Но на этот раз все будет именно так. Хотя бы потому, что вам, девушка, сейчас очень необходимо доказательство

моим словам.

Вероника так и не поняла, о чем он говорит. О том, что через двадцать минут разразится гроза или о том, что она, Хомка, станет вскорости одной из самых красивых девушек Москвы.

Мужчина снова посмотрел на часы.

– Извините, девушка. Спасибо вам за мороженое. Было очень вкусно. Но, к сожалению, мне срочно нужно в порт.

– Снова интуиция? – съязвила Вероника.

– Не-а, – улыбнулся мужчина. – Обычное расписание...

Меня зовут Владислав. А вас?

– Хомка.

– То есть? – не понял он.

– Ну, Хомка, Хомочка, Хомячок...

– Это еще почему? – удивился Владислав.

– Потому, что я похожа на хомяка, – нахмурившись, проговорила Вероника и надула губки.

Владислав внимательно присмотрелся к девушке.

– А ведь и правда! – рассмеялся он. – Чем-то похожа.

Но это дело не меняет. Можно я вам позвоню?

– Нельзя, – буркнула Вероника. – У нас на атээс профилактика и телефон выключили на неделю.

– Ну, это не беда, – улыбнулся Владислав, доставая из поясной сумки сотовый телефон. – Вот вам чудо враждебной техники. И ждите звонка. Я позвоню обязательно!

– Вы отдаете мне свой сотовый телефон? – оторопело

спросила девушка. – Но он же дорого стоит!

– Но вы же отдали мне свое мороженое?

– Так ведь мороженое стоит копейки!

– Не-а, – покачал головой Владислав. – Для меня оно стоит гораздо дороже этой безделушки, – он указал на трубку. – Берите. И ждите моего звонка! – Он положил телефон на скамейку рядом с Вероникой. – Пока... – улыбнулся Владислав. – Хомка! – и, не давая девушке опомниться, сел в свой джип и укатил, сорвав машину с места так, что из-под колес повалил синий дым и остро запахло резиновой гарью.

Не понимая, что произошло Хомка сидела на скамейке, почему-то боясь пошевелится. Рядом лежала трубка сотового телефона, который был в те времена еще большей редкостью, чем новехонький джип Владислава. Спустя несколько минут поднялся ветер. Небо, как-то совершенно неожиданно и быстро стало затягивать непонятно откуда взявшимися грозowymi облаками. И когда первая молния с треском влупила по дереву на дальнем конце улицы, а следом раздался просто оглушительны раскат грома, Хомка вскрикнула и зажала уши руками.

– Так, не бывает, – шептали ее губы. – Господи, так не бывает!

Оказалось, что бывает. Пришло время, и сотовый телефон Владислава зазвонил. Вероника и он стали встречаться. Хомка поступила в институт иностранных языков. А следующим летом, она объявила родителям, что выходит за-

муж и отправляется со своим женихом в летнее трехмесячное свадебное путешествие на теплоходе, где Владислав был старпомом. Когда она вернулась, ее было уже просто не узнать. За три месяца плавания Хомка из гадкого утенка превратилась в роскошного лебедя, а точнее в рыжую, очаровательную грациозную, невероятно стройную бестию. Она очень сильно похудела, загорела и невероятно похорошела. В Копенгагене датские врачи сняли с ее зубов скобку и успешно провели челюстную коррекцию. Хомка действительно сделалась настоящей Веро-Никой – самой красивой девушкой города Москва, хотя в душе так и осталась Хомкой, Хомочкой – милой и обаятельной.

С Владиславом также произошли перемены. Хомка выдернула его из потертых джинсов и стоптанных кроссовок, стянула с него полинявшую майку, после чего, не без боя, уговорами и даже шутливыми угрозами просто таки принудила упаковаться в приличный, элегантный костюмчик и вынуть серьгу хотя бы из одного уха.

И кто знает, может быть, именно эти перемены в муже Хомки послужили причиной того, что ему дали капитанский мостик на новеньком сухогрузе только что сошедшем со стапелей Северодвинской верфи.

Хотя, до Хомки изредка доходили слухи, что Владислав в море продолжал разыгрывать из себя морского волка, носить любимые топтанные перетоптанные кроссовки и выдавшие виды майки. Но это уже было его лично дело.

Сама Вероника без работы сидеть не могла, несмотря на то, что Владислав много и прилично зарабатывал. Закончив институт, она, с подачи мужа, и при участии его капитала, организовала туристическое агентство «Атлантис», ставшее вскоре одним из самых престижных в Москве.

Вот тут-то, неожиданно-негаданно и свела ее судьба с Родионом Оболенским...

Глава пятая

*В которой самолет идет на взлет
согласно циничным законам физики,
Родион и Хомка находят общий язык,
и в которой выясняется, что
бывают карманные тигры.*

Родион пристроил кейс на полке для ручной клади, уселся в кресло и поднял шторку иллюминатора. Трап уже отогнали от самолета и он, похожий на движущегося задом наперед жирафа, на всех парах мчался к техническому ангару аэропорта. Навстречу ему двигался тягач. Поравнявшись, трап и тягач остановились. Водитель тягача, высунувшись в окно, что-то сказал человеку управлявшему трапом.

Родион, наблюдавший эту сцену в иллюминатор, попытался представить себе диалог двух рабочих портовой техслужбы.

– Ну, че, Петрович, зайдешь после смены на стакан?

– Зайду, а чего не зайти! А чего празднуем-то?

– Ты че? Петрович? У меня сын родился! Сын! Наследник! Проставляюсь!

– Сын!?! Сын это хорошо! А на кого похож-то? На тебя или на твою благоверную?

– А хрен его знает... Уши вроде мои. Нос вроде мой.
А глаза... О! Глаза как у тебя, Петрович!

– Чего? Ты на что это намекаешь?

– Ну, точно твои глаза, Петрович! Говорю тебе!

– Такие же голубые?

– Такие же наглые! Гы-гы!

– Шутник, ты, однако!

– А то? Ну, бывай, Петрович! Бывай! После смены жду...

И трап с тягачом разошлись как в море корабли. Тягач подрулил к самолету и скрылся под брюхом. Спустя несколько минут летное поле за иллюминатором дрогнуло и поплыло. Самолет тянули на взлетную полосу.

– Привет! – услышал Родион голос Вероники и отвернулся от окна.

– Привет! – сказал он девушке опустившейся в соседнее кресло.

– Дядя Родик, не возражаете, если составлю вам компанию в полете?

– Все смеетесь, Вероника? – спросил Родион. – Между прочим, дети это цветы жизни, на залитом солнцем поле любви!

– Любите детей?

– Люблю. Но процесс мне нравится больше...

– Вы циник, дядя Родик!

– Увы, – Родион Оболенский развел руками.

– Цинизм – это маска бездушных, – как бы напомнила

Хомка.

– Как говорил мой друг Костя Остенбакин, – сказал Родион. – «Романтики придумали Любовь. Циники – способ размножения». Так кому мы должны быть больше благодарны?.. Для меня цинизм всего лишь практичный и ироничный взгляд на вещи.

– Дааа, – протянула Хомка. – Дела обстоят гораздо хуже. Если бы существовал орден циников – вы бы его получили первым!

– В общем, – констатировал Родион с улыбкой. – Вероника, вы правильно сделали, что сели в кресло рядом со мной.

– Это еще почему?

– Нам будет о чем поговорить. Путь до Рио неблизкий!

– Ха! – картинно рассмеялась девушка.

Тем временем самолет вытащили на взлетную полосу. Турбины аэробуса запели сиплым басом. Над входом в салон вспыхнуло табло «Не курить. Пристегнуть ремни». Послышался довольно милый, немного казенный, голос стюардессы:

– Уважаемые дамы и господа! Авиакомпания «Багратиони-Аэролайн» приветствует вас на борту аэробуса ИЛ-62! В полете вам будут предложены вкусный завтрак, обед и ужин, а также прохладительные и алкогольные напитки. Меню нашего бара вы можете попросить у стюардессы. Полет самолета будет происходить на высоте десять тысяч метров. Просьба не курить и пристегнуть привязные ремни. Ко-

мандир экипажа и экипаж желают вам приятного полета. Этеншен плиз, ледис энд джентельменс... – она повторила тоже самое по-английски.

– И давно вы работаете турменеджером? – спросил Родион, щелкая пряжкой привязного ремня.

– С первого дня образования «Атлантика», – ответила Хомка, делая то же самое, но с более озабоченным видом.

– Правда?

– «Атлантика» принадлежит мне и моему мужу.

– Да? – удивился Родион.

– Вас удивляет, что я замужем? – хитро спросила девушка.

– Нет, – ответил Родик. – Это меня как раз не удивляет. Меня удивляет, что вы работаете менеджером и маетесь с клиентами, вместо того, что бы сидеть в офисе, красить ногти и считать денежки.

– А может мне так больше нравится, – язвительно заметила Хомка. – Новые люди, Новые интересные знакомства... Иногда попадаются весьма забавные экземпляры, вроде вас, Родион.

– Я кажусь вам забавным? – поинтересовался Родик, чувствуя немного панибратский тон Вероники, и понимая, что до перехода на «ты» осталось всего несколько шагов.

– Что-то в вас такое есть, – Хомка прищурилась, глядя на Родика. – Пока не знаю, что. Но... Вы человек, безусловно, интересный!

– Вас ко мне тянет? – усмехнувшись, спросил Родик.

– Что!?! – Хомка сверкнула зелеными глазками. – Немного самонадеянно с вашей стороны сходу так заявлять!

– Во-первых, это не заявление, а вопрос, – уточнил Родион. – А во-вторых, вас действительно ко мне тянет! А, вот это как раз уже заявление. Я бы сказал, констатация факта.

– С чего вы взяли?

– Ну как... – улыбнулся Родик. – Вы уже сидите рядом со мной. Вы настроены достаточно оптимистично, что бы позволить вести себя чуточку панибратски. То есть вы рассчитываете на взаимопонимание. За этим обычно следует переход на «ты» и более тесные, если угодно, дружеские отношения. Я прав?

– Родион, – с некоторой издевкой проговорила Хомка. – Ваши психологические выкладки просто так поражают своей глубиной!

– К черту психологию! – сказал Родик. – Дело даже не в психологии. Тут сплошная биохимия.

– Это еще, что за новость? Какая еще биохимия?

– Вероника, вы не находите, что большинство людей поддерживают друг с другом тесные отношения только потому, что они приятны друг – другу... Как бы это сказать... На естественном уровне? Нам нравится не то что нам говорит человек, а то, как он говорит... Нас привлекает не то что мы видим, а как мы видим... Нас влечет не то, чем пахнет человек, а то, как он пахнет. И так далее... Сплошная биохимия!

– Я уже говорила, что вы циник!

– Если вам угодно, – рассмеялся Родион. – По секрету скажу, – он пригнулся к девушке так, что ее волосы коснулись его лица. – Меня тоже к вам тянет!

Турбины завывали еще громче. Самолет тронулся с места на этот раз на собственной тяге. Целеустремленно он стал набирать скорость. Буйки сигнального ограждения замелькали вдоль взлетной полосы все быстрее и быстрее.

– Взлетаем, – сказал Родион и откинулся на спинку кресла, чувствуя, как сила ускорения вдавливают его в мягкую обивку.

– Ну, с Богом! – прошептала Хомка и к удивлению Родиона перекрестилась.

– Вот уж не ожидал, – сказал Родик. – Что такая очаровательная девушка как вы окажется религиозной особой!

– Да! Да!! Да!!! – беспомощно улыбаясь, развела Хомка руками. – Я боюсь летать! Имею я право чего-нибудь бояться? Что поделаешь?

– Действительно ничего, – с пониманием произнес Родион. – Что поделаешь... Самолеты иногда падают.

– Спасибо, утешил, – фыркнула Хомка и добавила с небольшой злобинкой в голосе. – Дядя Родик.

– Вероника, как говорил мой друг Костя Остенбакин: «Во всех авиакатастрофах виноват обыкновенный кофе».

– Какой еще кофе? Вы о чем? – нервно переспросила девушка, стараясь не смотреть в иллюминатор. – Причем здесь

авиакатастрофы?

– Как это причем!?! – Родик изобразил удивление. – Вы разве не замечали? Стоит только стюардессам разнести кофе, как самолет начинает вибрировать!

– Ну и что?

– Как, что? Раздача кофе в самолете вызывает вибрацию! А вибрация разрушает фюзеляж и все такое... В общем от вибрации самолеты падают.

Ил-62 уже набрал порядочную скорость, и его стало действительно потряхивать на стыках плит взлетно-посадочной полосы.

– Очень остроумно, – белея, проговорила Хомка, впиваясь пальцами в подлокотники кресла. – Ой! Что это!?

Двигатели самолета взвыли на реверсе. Пилот включил обратную тягу для торможения. Сила инерции толкнула всех пассажиров самолета вперед. Родик посмотрел на Веронику и понял, что ей сейчас станет совсем плохо. Самолет резко замедлил движение и стал останавливаться, повизгивая шинами шасси.

– Почему мы останавливаемся? – выдавила из себя девушка, бледная как белоснежный, льняной подголовник кресла.

– Не знаю, – пожал плечами Родион и выглянул в окошко иллюминатора.

Самолет застыл посреди летного поля. За окном, по краю бетона, ветер гонял волнами высокую зеленую, давно некошеную траву. Глупые ромашки, васильки и лютики, ныряли

в этих волнах как купальщики на пляжах лазурного океана.

– Не дай бог и с этим самолетом, что-то не так, – сказала Хомка, чуть приходя в себя. – Тогда это будет самый черный день в моей жизни! Вы не представляете, сколько мне трудов стоило пробить этот рейс!

Ситуацию прояснил жизнерадостный, полный радушия, голос бортпроводницы.

– Уважаемые пассажиры! Дамы и господа! Прошу минуточку вашего внимания! Ничего существенного не произошло. Просто руководство авиакомпании «Багратиони—Аэролайн» в последний момент приняло решение...

– Не дай бог! – Хомка покачала головой и добела закусила нижнюю губу.

...– Приняло решение лететь нашим рейсом! – радости стюардессы не было придела. – После того как мы посадим на борт генерального директора авиакомпании «Багратиони – Аэролайн», наш самолет продолжит взлет! Экипаж самолета приносит вам свои извинения за временную задержку и причиненные неудобства. Просим вас не вставать с мест. Спасибо за внимание.

– Дааа, – протянула Хомка качая головой. – Это на него похоже!

– На кого? – спросил Родик.

– На Мамуку... – девушка задумалась.

– Кого-кого? – не понял Родик.

– Мамука Вахтангович Багратиони – генеральный дирек-

тор авиакомпании «Багратиони – Аэролайн» и, между прочим, владелец самолета на котором мы летим, – сказала Хомка.

– И, что? – поинтересовался Родион.

– Да, это просто в его стиле! – Хомка всплеснула руками. – Багратиони обожает всякого рода спецэффекты! Нет, что бы просто... Как обычные граждане. Ему надо, что бы все было красиво! – девушка, посмотрела на Родика, подняла вверх указательный палец и, пародируя то ли, грузинский, то ли, азербайджанский акцент произнесла. – Слишишь, гога, вах! Мамука можит целый са-а-амалет у са-а-амого нэба ота-а-ановить! И э-э-то еэму ни-и-ичего стоить нэ будэт!

– Какой он этот Мамука, – рассмеялся Родик, настолько забавной показалась ему девушка. – Слона, значит, на скаку остановит, и хобот ему оторвет!

– Э-э-э, – протянула Хомка, не выходя из роли. – Зачэм, слона, дорогой! Слона лю-у-убой дурак о-о-остановить сможет! А ти, – она уверенно ткнула Родика в плече наманикюренным пальчиком. – А ти са-а-амолет на взлетеэ оста-а-анови, дорогой! Слишишь, вах?

– Ты его хорошо знаешь? – спросил Родион. – Этого Мамуку?

– А, – отмахнулась девушка. – Хорошо – не хорошо, но знаю. Элитный тур у нас покупал. А грузины, они ведь знаешь какие? Ни одну более или менее симпатичную девушку мимо просто так не пропустят!

– А ты конечно кремень? – поинтересовался Родион. – Мужу верна безгранично?

– Представь себе, дядя Родик, верна! – с вызовом проговорила Хомка.

– А он значит, как настоящий грузин, не верит, в то, что есть такая девушка, которая ни за, что ему не покорится?

– Именно так! Его ординарец меня просто достал. Каждый день под дверь корзину роз приносит! Хорошо у меня сосед по лестничной клетке в цветочном бизнесе продавцом трудится. Так я ему эти цветочки с удовольствием за треть их рыночной стоимости сплавляю.

– Каждый день корзина цветов? – недоверчиво поговорил Родион. – И ты ни в какую?

– Что ни в какую? – Хомка ехидно посмотрела на Родика. – А, ну, да! То есть, нет! Да ты сейчас сам этого Мамуку увидишь и все поймешь! – девушка, наклонившись над коленями Родиона, посмотрела в иллюминатор. – Во-о-он его лимузин по полю мчится. Только пыль столбом!

Родион посмотрел в окошко. К самолету, в сопровождении эскорта из желтобрюхих аэропортовых легковушек с мигалками летел шикарный, белоснежный «Линкольн». Подкатив почти под самое брюхо самолета «Линкольн» с шиком сделал разворот полукругом. Дверь автомобиля открылась, и на бетон взлетно-посадочной полосы из машины вышел черноволосый, прямоносый, высоченный, под два метра ростом, красавец в черном пальто до пят, лакирован-

ных ботинках и затемненных очках. Ширина его плеч позволяла предположить не дюжую силушку, обитающую в теле этого истинного джигита, сына гор и скалистых ущелий, населенных козлотурами орлами, горными барсами и настоящими грузинами.

– Да ты, что! – воскликнул Родион. – Ну, просто красавец твой Мамука Вахтангович Багратиони. Тигр! Мцыри! Царь Давид воплоти!

– Ну-ну, – хмыкнула Хомка.

«Царь Давид» обошел лимузин со стороны багажника и с нарочитым почтением открыл противоположную дверь. Свесив ножки, с заднего сидения «Линкольна» на землю прыгнул маленький, можно сказать совсем маленький, щуплый, похожий на ребенка, грузинчик, в кожаном пиджачке, брючках и туфельках. Несомненно дорогая одежда смотрелась на нем почему-то комично, как шутовской фрак Чарли Чаплина. Сходства дополняли маленькие усики под длинным носом. Сам нос тоже имел комичную форму. Переносица, если смотреть в профиль, располагалась не под углом к лицу, а как бы параллельно, отчего лицо грузинчика чем-то напоминало топорик...

– Вот тебе и Тигр, и Мцыри, и Царь Давид во плоти! – усмехнулась Вероника. – Тигр! Без сомнения Тигр! Карманный такой Тигр. Грузинский.

– Это!? – оторопел Родик. – Это и есть Мамука Вахтангович Багратиони!? Владелец авиакомпании «Багратиони –

Аэролайн»?

– И, между прочим, – добавила девушка. – Официальный миллионер... В отличии от некоторых.

– Ммм... – слово «миллионер» подействовало Родиона магически. Смутное, немного странное предчувствие шевельнулось где-то в глубине души. – Миллионер? – переспросил он, наблюдая в иллюминатор за тем как Мамука Восгенович Багратиони размахивая руками, бегаёт вокруг своего лимузина, поворачивая из стороны в сторону голову на тонкой цыплячьей шее.

– С другой стороны, – сказала Хомка, тоже выглядывая в окошко, перегнувшись через Родиона и как бы нечаянно опершись рукой о его колено. – С другой стороны теперь можно быть уверенным, что с самолетом все в порядке раз на нем собирается лететь такая большая шишка как хозяин... Хотя, – Хомка хихикнула. – Большой шишкой его можно назвать лишь в переносном смысле... Так... Шишок!

Из машины вышли еще трое. Пожилой полный мужчина славянской внешности с пластиковым чемоданчиком в руке. И две девушки похожие друг на друга как две капли воды – близнецы. «Мцыри» открыл багажник и один за другим достал из него с десятков одинаковых чемоданов. Вскоре вся компания скрылась под фюзеляжем, где из багажного отсека к ним был опущен трап.

Родик прикрыл глаза. Ему неожиданно представился темный сосновый бор. Он, Родион, верхом на коне стоит

на опушке, ощущая за спиной тяжесть охотничьего ружья, и жесткую кожу поводьев в руках сквозь нежную замшу перчаток. Трещат сухие иголки под копытами лошади. Утренний туман стелется про меж бронзовых стволов. За рекой ухают глухари на токовище. Над опушкой свиристит жаворонок. Чу! Где-то в чаще протрубил охотничий рог! Пора! Егеря подняли секача с лежбища! Лошадь горячо и нетерпеливо всхрапнула и закусила удила. Родион почувствовал на лбу легкую испарину и зыбкую рябь холодных мурашек на спине. Охота началась...

– Что с тобой, дядя Родик? – обеспокоено спросила Хомка. – Тебе плохо? Ты как-то весь побелел... Или... Просветлел, что ли?

– Мы уже на ты? – спросил Родион, открывая глаза.

– На ты? – удивилась Хомка. – А... Ну, да. Похоже, что уже на ты. Как-то само собой получилось...

– Я не против, – улыбнулся Родик.

– Я тоже, – сказала девушка и улыбнулась в ответ. – Так, что это было?

– Ничего. Просто предчувствие. Самое, что ни на есть обыкновенное предчувствие!

Часть вторая

Мамука великолепно

Глава шестая

*Из которой действительно
становится ясно,
что деньги не пахнут ни
цветами, ни, извините, дерьмом,
но зато и цветы и дерьмо
пахнут деньгами.*

Грузин без денег, все равно что трамвай без рельсов, троллейбус без усов, боксер без трусов, вентилятор без пропеллера, «Кадилак» без мотора, ружье без затвора, дача без забора, тупик без упора. То есть нечто странное, несуразное и к употреблению совершенно негодное.

Да и вообще, слушай! Вах! Где ты видел грузина без денег? Как тут подсказывают мне некоторые очень грамотные товарищи – нонсенс! Ты меня понял? Я тебя тоже понял!

Деньги для настоящего грузина национальная черта характера, точно такая же, как черный «Волга», грузинский

гостеприимство, клетчатый кепка, а-ля, аэродром, органично сросшаяся с роскошной черной шевелюрой, и нос рулем, с аптекарской точностью указывающий в каком направлении дует ветер и «где находится женщин».

И не важно, сколько у грузина денег. Дело не в количестве. Даже имея в кармане всего несколько потертых медяков, настоящий грузин сочтет кровным врагом любого, кто скажет ему, что он не сможет купить здание Центрального Универмага.

Мамуку Вахтанговича Багратиони в отсутствии денег упрекнуть было невозможно. Денег у Мамуки было немеренно. Надо сказать, что пара тройка Центральных Универмагов в разных городах и даже разных странах ему таки принадлежало. В общем, денег у Мамуки было достаточно.

Но самое интересное, что деньги свои он заработал честным путем.

Мамука не воровал и не грабил. Мамука не торговал оружием и не промышлял наркотиками. Мамука с почтением относился к официальным властям и с уважением к криминальным авторитетам. То есть регулярно платил и тем и другим.

На заре своей юности Мамука твердо усвоил три урока преподанных ему его отцом, зоотехником высокогорной овцеводческой фермы, героем социалистического труда, Вахтангом Кондратьевичем Багратидзе. (В Багратиони Мамука перекрестил себя уже потом, когда стало модным на каждом

углу трепать о своем знатном происхождении. А Багратиони, как известно старинная царская династия Грузии. Предки Мамуки намеренно изменили свою фамилию, что бы ненароком не сменить благодатную Алазанскую долину на бескрайние перелески восточносибирской низменности по воле большевиков, вырубавших под корень в Грузии всю аристократию, как умелый земледелец вырубает иссохшую, переставшую плодоносить лозу, прореживая виноградник.)

Вывел как-то Вахтанг Багратидзе своего сына на окраину горного селения и сказал:

– Мамука, сын мой, ты видишь эти великолепные горы?

– Вижу папа.

– Мамука, ты видишь реку Кура, которая берет свое начало в этих благодатных горах?

– Да, папа.

– Мамука, ты видишь эту зеленую долину, которая расположилась на берегах Куры?

– Вижу, папа.

– Мамука, ты видишь отары жирных овец, пасущихся высоко в горах и кушающих зеленую, сочную травку?

– Конечно, папа. Зачем спрашиваешь?

– А знаешь, ли ты, Мамука, что бывает с зеленой, сочной травкой, которую скушала овца?

– Знаю, – ответил Мамука. – Она превращается в вонючие зеленые лепешки.

– А знаешь ли ты, Мамука, что бывает с этими зелеными

лепешками потом?

– Их смывает дождем в Куру, папа.

– А что Кура потом делает с этими лепешками?

– Она несет их в виноградники расположенные в долине.

– А знаешь ли ты, Мамука, что виноградники так хорошо цветут именно потому, что Кура питает их растворившимися в воде овечьими лепешками?

– Не знаю, – Мамука задумался. – Наверное, так и есть, папа.

Отец долго и пристально посмотрел на своего низкорослого, невзрачного сынка.

– Запомни, Мамука, сын мой, – наконец сказал он. – Дерьмо всегда спускается с гор! – изрек Вахтанг Багратидзе и, развернувшись, пошел прочь, громяхая по булыжникам стоптанными кирзовыми сапогами.

– Зачем, папа? – крикнул ему вслед Мамука.

– Что бы в долине зацвели виноградники, сынок, – не оборачиваясь, ответил отец.

Это был урок первый.

Мамука закончил школу. Мать собрала ему небольшой потертый кожаный чемодан, доставшийся в наследство еще от деда, вернувшегося с этим чемоданом с Великой Отечественной Войны, положила туда пару выходных штанов, двое теплых хлопчатобумажных подштанников, три чистых фланелевых рубашки, новые туфли, с наказом надевать только по праздникам, носки и кепку.

Пока мать собирала чемодан, в комнату вошел отец, достал из кармана пухлую пачку червонцев, и протянул ее сыну. Мамука, считавший себя взрослым и умным с гордым видом потянулся за деньгами, но в самый последний момент отец выпустил пачку из рук и купюры с шелестом, как прошлогодние листья рассыпались по полу.

– Собирай! – приказал отец.

Мамука понял, что ему сейчас придется встать на колени и ползать по кухне, поднимая деньги.

– Не буду! – с вызовом произнес Мамука и вздернул подбородок к потолку.

– Гордый, да? – спросил Вахтанг Багратидзе.

– Да, папа, – ответил Мамука.

– Хорошо, – сказал отец, сам опустился на колени перед сыном и стал ползать по дому, собирая разлетевшиеся по углам розовые бумажки.

Мамука растеряно наблюдал как его отец – само воплощение гордости и высокомерия кряхтя передвигается по полу на карачках. Через какое-то время в руках у отца снова оказалась пачка червонцев. Багратидзе старший небрежно бросил ее в чемодан Мамуки.

– Послушай своего старого отца, сынок, – сказал он. – Если ты хочешь быть богатым, то должен научиться собирать деньги по крупицам. Если хочешь научиться собирать деньги по крупицам, то ты должен научиться трудиться. Если ты хочешь научиться трудиться, то должен сдерживать

свою гордыню и выполнять самую грязную работу. – Запомни, Мамука, мой любимый и единственный сын. – Все что достается без труда – стыдно. Ты можешь гордиться только тем, что заработал, проявив трудолюбие. – Вахтанг Багратидзе замолчал, глядя сыну в лицо. – А теперь делай с этими деньгами, что захочешь! – сказал он и вышел из кухни.

В дверях отец остановился и посмотрел в зеркало, висевшее на стене. Мамука за его спиной достал из чемодана червонцы и подбросил их вверх. Деньги снова разлетелись по кухне. Багратидзе младший встал на колени и, сопя, принялся подбирать их, ползая в ногах у своей матери, невозможно продолжавшей укладывать вещи в чемодан. Вахтанг Багратидзе усмехнулся и закрыл за собой дверь.

Это был урок второй.

Раз в неделю в высокогорное селение Мамуки приходил автобус – дряхлый, облезший «ПАЗик», каким-то чудом каждый раз ухитрявшийся так высоко забраться в горы по узкой и извилистой дороге. На нем доставляли почту и новости из долины. На нем оперившаяся молодежь спускалась с гор, что бы поступить в институты, техникумы и ПэТЭУ, найти свое счастье и вернуться домой в новой кепке. На нем отец должен был отправить Мамуку в большой мир, полный соблазнов, удовольствий и безграничных возможностей.

До прихода автобуса оставалось не более часа. Вахтанг Багратидзе молча шел впереди сына и нес чемодан Мамуки. Сам Мамука семенил следом, стараясь идти в ногу с отцом,

но постоянно путался, сбивался, не поспевая за его размашистым шагом.

– До свиданья, Мамука! – кричала ему вслед мама из окна. – До свиданья, мой маленький, – утирала она слезы, кончиком платка.

– До свиданья! – помахал рукой Мамука.

– Не подведи своего отца, Мамука! – трескучим голосом напутствовал его столетилетний дядя Ваню, сидевший под раскидистой чинарой у своего дома и опиравшийся на корявую, отполированную руками и временем клюку, прозванный молодежью села «Вечным дедом». – Твой отец – уважаемый человек. Стань и ты уважаемым человеком!

– Не подведу, дядя Ваню. Обещаю!

– Привези мне саблю, Мамука, – тонким, писклявым голоском просил маленький, босоногий Гога, троюродный брат Мамуки, погоняя по пыльной дороге к дому груженого хворостом ишака. – Ты обещал Мамука!

– Привезу, Гога. Самую лучшую саблю, какую только найду!

– Удачи тебе, Мамука, – кланялась тетя Тамара, идущая навстречу из сельмага с бутылкой подсолнечного масла в сетчатой авоське.

– Спасибо, тетя, – кивал Мамука в ответ.

Вахтанг Багратидзе продолжал молча шагать вперед. Чемодан, поскрипывая ручкой, медленно раскачивался в его мускулистой руке в такт шагам.

Вскоре отец и сын оказались у остановки за селением. Пыльная дорога, извиваясь тещиным языком тянулась далеко-далеко в низ, постепенно превращаясь в тонкую нить. Где-то у самого подножия горы по этой нитке еле-еле двигалась крохотная букашка автобуса. Пройдет еще более часа, прежде чем он поднимется к селению Мамуки.

За остановкой начиналось небольшое сельское пастбище. Колхозные отары здесь не пасли, потому, что селяне отвели это пастбище для частного скота...

Уж как месяц в горы пришла весна. Сочная высокая трава колосилась от самой остановки до отвесного обрыва на краю пастбища. Невдалеке паслась коза тети Тамары, да кобыла дяди Ваню такая же дряхлая и костлявая как он сам. В траве кувыркались разноцветные головки всевозможных полевых цветов. Особенно много в этом году было дикой гвоздики. Резные, розовые, малиновые, голубые бутончики заполняли пастбище от края до края.

Багратидзе старший поставил чемодан на землю и достал из кармана носовой платок завязанный узелком.

– Подойди ко мне, Мамука, – сказал он, распутывая узел платка.

Мамука подошел к отцу и увидел в его руке огромный золотой перстень в виде оскаленной головы тигра на щитке. В пасть тигра был вделан очень крупный бриллиант размером с черешню. Голову тигра украшала крохотная корона с монограммой из символов грузинского алфавита.

– Смотри, сын, – сказал Вахтанг Багратидзе. – Это фамильный перстень Багратионов, очень старой царской грузинской династии. Мы их дальние потомки. Перстень передал мне мой отец, а ему его отец, а отцу моего отца его отец... Так он переходил от отца к сыну на протяжении многих лет или даже веков. Это самое дорогое, что у нас есть. Я не знаю, сколько он стоит, но думаю, что на него можно купить все наше селение вместе с прилегающими горами и пастбищами, а может быть даже всю долину под горой, – Багратидзе старший полюбовался перстнем, но так и не одел его себе на палец. – Я никогда не надевал этот перстень, потому, что мой отец велел мне одеть его только в том случае, если я верну нашему роду богатство и имя Багратионов... К сожалению, сын мой, сделать этого я не смог и надеюсь, что ты сделаешь это вместо меня. Только тогда ты сможешь надеть перстень себе на руку. А до этого просто храни его... Ты понял, Мамука?

– Да, папа, – ответил тот, заворожено наблюдая, как сверкает и искрится алмаз в пасти тигра.

– Молодец, – похвалил Мамуку отец. – Я всегда верил в тебя.

И тут он сделал то, отчего волосы под кепкой Мамуки встали дыбом. Отец зажал перстень в кулаке, размахнулся и далеко-далеко забросил его в траву сельского пастбища за остановкой.

– Папа!!! Что ты сделал!?! – заорал Мамука.

– Я сделал то, что сделал мой отец, отдавая мне перстень, – невозмутимо сказал Вахтанг Багратидзе, потомок грузинских царей. – Ты должен найти перстень, а вместе с ним богатство и имя нашего рода!

– Но я же не успею! – взмолился Мамука. – Скоро придет автобус, а пастбище такое большое! Там так много цветов и такая высока трава! Как я найду на нем такой маленький перстень!?

– Правильно, – кивнул отец. – Никогда не думай, что впереди у тебя много времени. Время – единственное, чего у тебя должно быть мало. Прощай, – сказал он, улыбнулся, потрепал сына за загривок и, сторбившись чуть больше чем обычно, пошел домой.

– Папа!!! – крикнул ему вслед юный Мамука.

– Найди свое счастье среди цветов, сынок...

Таковыми были последние слова Вахтанга Кондратьевича Багратидзе. И таким был последний урок Мамуки, преподанный его отцом.

Перстень Мамука нашел вовремя, до прибытия автобуса, потому, что просто не мог не найти. А три урока отца воспринял буквально, со свойственной ему практичностью.

Спустя несколько лет вся Москва просто таки была завалена дешевыми грузинскими гвоздиками.

А дешевыми они были вот почему...

Один умный человек со странной профессией «орнитолог», за бутылкой хорошего вина в московском ресторане

«Тбилиси» объяснил Мамуке, что самое лучшее удобрение на свете – это голубиный помет. На удобрениях, которые можно из него приготовить, не то что гвоздики, обыкновенные хозяйственные спички будут расти и давать молодые побеги. И добавил по секрету, что:

– Этого дерьма под крышами старых московских домов хоть задницей кушай! Десятилетиями его оттуда никто не выгребал!

Предприимчивый Мамука недолго думая заключил с московскими властями договор на очистку чердаков от голубиного компоста, который действительно пришлось вывозить самосвалами. Мамука не только обеспечил потребность своих гвоздичных теплиц в удобрениях, отчего гвоздики стали расти в четыре раза быстрее, но и открыл перерабатывающий заводик, где птичий помет сушили, прессовали и упаковывали в аккуратненькие красочно расписанные полиэтиленовые пакеты.

Низкая себестоимость и отменные потребительские качества товара способствовали тому, что прессованное голубиное дерьмо расходилось на рынке как горячие пирожки. Но товара было так много, что поднабрав кое-какие связи в министерстве торговли, Мамука принялся сбывать сушеное удобрение за границу.

Денежки потекли рекой. Мамука совершенно законно стал зарабатывать миллион за миллионом, при этом успешно откупаясь и от рэкета и от государства. Естественно но-

вообразованный капитал надо было где-то размещать.

Мамука действовал молниеносно, как настоящий тигр, прикупая нефтяные и газовые скважины в Сибири, на паях с государством вкладывая деньги в разработку золотых месторождений на Колыме и алмазных трубок в Якутии, скупал акции горно-обогатительных комбинатов и металло-перерабатывающих заводов, как хобби открывал винокурни в Грузии и даже создал свою авиакомпанию, состоявшую, правда, из одного единственного самолета ИЛ-62. И то не купленного, а отданного Мамуке за долги правительством Красноярской области...

За этими делами прошло пятнадцать лет и Мамука решил посетить родное высокогорное селение, богатым как Крез, вернув свое родовое имя и надев на указательный палец кольцо Багратионов.

Эскорт из трех новехоньких джипов и огромного автобуса «Мерседес», который Мамука решил подарить землякам, медленно поднимался той самой извилистой как тещин язык дорогой, какой он в юности спустился с гор на дребезжащем металлических внутренностях «ПАЗике» согласно первому уроку отца.

Достигнув селения, колонна остановилась на автобусной остановке.

Улочки старого горного поселка были настолько узкими, что передвигаться по ним можно было только верхом или пешком. Мамука вышел из головного джипа, держа в руках

длинный футляр красного дерева в котором лежал настоящий самурайский меч, купленный им в Японии за несколько тысяч долларов. Мамука не забыл обещание данное своему троюродному брату Гоги.

Сердце Мамуки было разбито. Его родное селение лежало в руинах. Почти все жители покинули свои дома несколько лет назад, после того, как разорилась овцеводческая ферма, на которой Вахтанг Багратидзе работал зоотехником.

Мамука шел по центральной улице родного села и горько плакал.

– Здравствуй, Мамука, – услышал он вдруг старческий скрипучий голос и обернулся.

Под старой иссохшей чинарой сидел сморщенный старик, держась за свою отполированную до блеска клюку.

– Здравствуй, дядя Вано, – медленно проговорил Мамука.

– Ты вернулся, Мамука? Не опорочил ли ты имени своего отца за эти годы?

– Нет, дядя Вано. Я сделал все, как он меня учил. Я вернул имя, богатство и славу нашему роду. Я трудился в поте лица, смиряя гордыню и собирая деньги по крупицам. Папа может мной гордиться...

– Славный Вахтанг Багратидзе...

– Багратиони, – вежливо поправил Мамука старика.

Дядя Вано внимательно посмотрел на Мамуку так и не потерявшими зоркость глазами и кивнул:

– Правду говоришь, Мамука, – согласился он и продол-

жил. – Славный Вахтанг Багратиони умер семь лет назад и похоронен на нашем сельском кладбище вместе со своей женой, которая не вынесла разлуки и умерла через месяц после него. Я покажу тебе могилу, Мамука, сын Вахтанга.

– Горе мне, горе, – покачал головой Мамука.

– Не печалься, – ответил ему дядя Ваню. – Все мы когда-нибудь умрем.

– Даже ты, дядя Ваню? Но ты же Вечный Дед!

– Даже я, Мамука! – кивнул старик. – Даже я...

Мамука встрепенулся.

– А где же Гога? Мой троюродный брат? Я привез ему саблю, как он и просил! – Мамука приподнял футляр с самурайским мечом.

– После того, как ты уехал, Гога пошел в горы за хворостом и упал в ущелье. Его так и не нашли. Наверное, вода унесла тело в долину. Мать его долго потом горевала... – покачал головой дядя Ваню.

– А тетя Тамара?

– Тетя Тамара перебралась в долину вместе со всеми, когда разорилась ферма и здесь стало нечего делать. С тех пор я о ней ничего не слышал...

– А ты почему остался, дядя Ваню?

– Я пустил здесь корни, сынок, как и эта чинара. Что я без корней?

– Дядя Ваню, – Мамука понурил голову. – А я так и не смог пустить корни. Это плохо?

– Ты князь Багратиони, – ответил дед. – Твои корни не здесь. Ищи их в другом месте.

– Ты мудр, дядя Ваню.

– Я стар, – усмехнулся старик.

– Прощай, дядя Ваню.

– Прощай Мамука. И помни. Потерять легче, чем найти.

– Я запомню твои слова... Вечный Дед.

– Запомни сынок, запомни...

Мамука открыл футляр, достал самурайский меч и с размаху воткнул его в чинару над головой старика. Затем развернулся и пошел прочь, сгорбившись чуть больше обычно, совсем как его отец пятнадцать лет назад...

Глава седьмая

В которой Мамука поднимается до уровня настоящего грузинского поцелуя, пока самолет остается стоять на земле.

– Вах, вах, вах! – из дверей салона бизнес-класса до-
несли звуки возни, нестройный топот нескольких пар ног
и знойные мужские восклицания с грузинским подтекстом.

Родион оглянулся назад через спинку кресла и увидел
как маленький, низкорослый, сияющий улыбкой грузинчик,
восхищенно жестикулируя, приветствует белокурую, пыш-
ногрудую бортпроводницу.

– Вах, вах, вах! Ах, какой гога! Ах, какой красивый де-
вушка, вах! Слушай, да!? На моем самолете летит такой кра-
сивый девушка! Почему мне никто ничего не сказал, вах!?
Эй, кто там! – изображая искреннее, чуть шутовское, недо-
вольство прокричал Мамука в тамбур салона, обращаясь
к своим провожатым. – Почему не сказал!? Почему мне ни-
кто ничего никогда не говорит, а? Я вас спрашиваю!? А!? –
он снова повернулся к стюардессе. – Вах, вах, вах! Тебя как
зовут, гога? Как зовут красавицу такую, небесную?

– Александра, – смущенно проговорила покрасневшая

стюардесса и поспешно добавила. – Здравствуйте, Мамука Вахтангович. Я и экипаж рады приветствовать...

– Подожди, гога, не говори, да? – прервал ее Мамука. – Александра, да? Сашенька, да? Только не обижайся, пожалуйста, ради бога прошу! Не говори ничего! Я скажу! Ты здесь хозяйка, да? Вах!

– Я не... – попыталась вставить слова бортпроводница. Мамука не слушал.

– Какая очаровательная хозяйка на моем самолете! Вах!

– Я не хозяйка... Я...

– Не говори не чего! Я скажу! – Мамука, сияя от радости, сделал энергичный, протестующий жест, махнув рукой перед своим лицом. – Я знаю! Ты – хозяйка! Это Мамука Багратиони тебе говорит! Только такая красивая девушка как ты может быть хозяйкой моего самолета!

– Я бортпроводница... – подавленная ураганным напором Мамуки, уже совершенно беспомощно попыталась возразить девушка и добавила совсем – совсем тихо, чуть не плача. – Вторая... Я.

– Как вторая, слушай!?! – изумился Мамука. – А где первая!?

– Во втором... – девушка чуть слышно всхлипнула. – Салоне...

– Как так!?! Во втором салоне первая! В первом – вторая! Как такое может быть?

– По штатному расписанию... – робко проговорила стю-

ардесса.

– Э-э-э-э! – Мамука заметил совсем нерадостное настроение девушки. – Гога, ты, что расстроилась, да? Из-за того, что вторая, да? Вах! Не надо расстраиваться! Какое еще расписание!? С сегодняшнего дня – ты первая бортпроводница! – Мамука победоносно поднял голову. – В конце концов, это мой самолет или где?

– Но так нельзя, Мамука Вахтангович, – попыталась возразить девушка. – Таня обидится. А мы с ней подруги... Да и нет ее сейчас. Заболела она. Одна я на весь самолет... А мне на самом деле все равно первая или вторая, – поспешила добавить она.

Мамука нахмурился. Девушка сжалась.

«Уволит! Сейчас точно уволит!» – со страхом подумала она.

– Обидится, говоришь? – серьезно спросил Багратиони. – Нельзя, да? Подруги, да? – он неожиданно улыбнулся, да так весело, что на сердце у девушки моментально отлегло. – Это ты, гога, правильно делаешь! – воскликнул он. – Вах! Совсем нехорошо подругу обижать! Совсем плохо, вах! Я знаю! Мамука Багратиони все знает! – он снова повторил свой жест рукой перед лицом. Ну не хочешь быть первой... – он на долю секунду задумался. Тогда тебе дорогой подарок сделаю! Протяни руку!

Девушка послушно протянула руку Мамуке.

– Раздвинь пальцы, да? Закрой глаза, да!? – приказал Баг-

ратиони.

Девушка выполнила его просьбу.

Мамука в ответ поднял левую руку вровень с ладонью девушки и растопырил короткие волосатые пальцы, каждый из которых был увенчан массивным перстнем с каким-нибудь драгоценным камешком. – Раз, два, три, четыре, пять, – он стал считать кольца на руке. – Вышел заяц погулять!

Считалка закончилась. Мамука остановил счет на мизинце, снял с него колечко украшенное изумрудом и с возгласом «Оп-па!» ловко одел его на средний палец девушки.

– Ой! – воскликнула она и машинально убрала руку за спину и открыла глазки полные недоумения, но было уже поздно...

– Держи, Сашенька, да? Вот мой подарок!

– Извините, – девушка вернула руку в прежнее положение. – Я не хотела... – и увидев колечко, воскликнула. – Это же очень дорого!

– Вах, как дорого!? Почему дорого? Для Мамуки это недорого!

– Я не могу... – бедная бортпроводница сделал попытку снять кольцо с пальца.

– Носи, я сказал! – приказал Мамука. – Считай, что это премия от руководства, да!? Я ведь руководство на этом самолете, правда?

– Правда, – кивнула стюардесса.

– Гога, вах! – восхитился Мамука. – Правильно говоришь!

Ты довольна, да? Не будешь грустить больше, правда?

– Нет, – девушка покачала головой из стороны в сторону.

– Ну и молодец, Сашенька! – Мамука хлопнул себя по ляжкам. – Вах, какой молодец! Можно я тебя поцелую?

– Ну... Хорошо, – кивнула стюардесса и, поскольку Мамука Багратиони был на голову ее ниже ростом, нагнулась, подставляя ему щеку для поцелуя.

– Вах! – запротестовал Мамука. – Не нагибайся, слушай! Такая красивая девушка не должна нагибаться перед мужчинами. Я сам к тебе поднимусь! – воскликнул Багратиони. – Мцыри! Чемодан! – крикнул он в тамбур салона.

В дверях появился высоченный черноволосый красавец, которого Родик принял сначала за самого Багратиони, и поставил здоровый, толстый чемодан между девушкой и Мамукой.

Мамука сделал шаг назад и приказал:

– Положи боком!

Мцыри опустил чемодан плашмя. Мамука встал на него и оказался одного роста со стюардессой.

– Вах! – воскликнул Багратиони, заморожено глядя в глаза девушки. – Прекрасная моя! Подари бедному грузину свой волшебный, действительно дорогой поцелуй!

«Ну и загнул! – подумал Родион Оболенский, с восхищением наблюдая всю эту сцену. – Не удивлюсь, если эта белокурая газель втрескается в грузинского недоростка без памяти!»

Оторопевшая девушка смотрела в глаза Мамуки, наверное, с тем же самым выражением, с каким кролик смотрит в глаза удава. Она опустила веки и трепетно потянулась алым ротиком навстречу к грузинским губам. Мамука, не мешкая, страстно притянул девушку за шею и отвесил ей такой жаркий поцелуй, какому позавидовал бы Ален Делон в лучшие свои годы.

– Ох, – качнувшись от легкого головокружения, только и смогла вздохнуть она, когда Мамука ее отпусти.

– Вах! – воскликнул Мамука, глядя в губы девушки и облизывая свои. – Мцъири! Шампанского нам! – он снова вскинул руку, на этот раз так, как будто в ней должен находиться бокал.

– В чемодане... – в полголоса, как бы напомнил ординарец Багратиони.

В отличие от Мамуки Мцъири говорил без грузинского акцента.

– Что в чемодане, слушай!?! – Мамука с легким раздражением посмотрел на ординарца.

– Шампанское в чемодане, Мамука Вахтангович, – извиняясь, ответил тот.

– Так достань, вах!!! Слушай, сколько можно повторять!?!

– Вы на нем стоите, Мамука Вахтангович...

– На чем я стою, дарагой? – не понял Мамука.

– На чемодане, в котором шампанское, – спокойно и уважительно сказал Мцъири.

– Правда? – Мамука посмотрел себе под ноги.

– Вах! Точно стою!!! – развел он руками, глядя на чемодан. – Ты, что, я тебя спрашиваю, не мог мне другой чемодан дать!? Вах?

– Мамука Вахтангович, я же не знал... – попытался оправдаться Мцыри.

– Ничего, ничего, – стюардесса Сашенька, наконец, пришла в себя после грузинского поцелуя. – Мамука Вахтангович, вы садитесь на место, а я вам сейчас принесу... У нас в баре есть. Какое вы предпочитаете?

– Вах, вах, вах! – покачал головой Мамука и назидательно проговорил. – Мамука Багратиони пьет только французское шампанское и настоящее грузинское вино! Из собственного винограда! Мы попробуем и то и другое! Надеюсь, на моем самолете есть и то и другое, да, хозяйка моя? – спросил он у девушки.

– Конечно, конечно, – поспешно заверила стюардесса, проскальзывая мимо Мамуки и Мцыри в тамбур. – И французское шампанское есть... И вино...

В противоположных дверях салона появился усатый, широкоплечий человек в форме летчика гражданской авиации.

– Мамука Вахтангович! – воскликнул он. – Здравствуйте! Ну, что же вы!

– А-а-а-а! – лицо Багратиони расплылось в улыбке. – Вах, вах, вах! Гамарджобад! Сережа, дарагой! – он, широко раскинув руки, сделал шаг навстречу летчику и чуть не упал

на ковровую дорожку самолета, оступившись с чемодана. – О, дьявол, задери меня, козел! Опять про этот чертов чемодан забыл, вах!

– Здравствуйте, Мамука Вахтангович! – воскликнул летчик, по-дружески, но с почтением заключая Мамуку в объятия. – Вы бы еще нас в воздухе развернули, – с укором добавил он.

– Здравствуй, дарагой! – Мамука, оказавшись у летчика где-то под мышками, замолотил его по спине, обнимая. – Не сердись, дарагой! Не ругайся, слушай, биджэ! Не ругайся на Мамуку, вах! Очень мне захотелось с тобой снова полетать!

– Уж так уж и со мной: – усмехнулся летчик в усы.

– Вах! Конечно с тобой, дарагой! – рассмеялся Мамука Багратиони и, высвободившись из объятий, впервые окинул взглядом салон бизнес-класса. – Ну и еще с одним хорошим человеком, вах! – воскликнул он, встретившись взглядом с Вероникой, сидевшей через два ряда от него.

– Здравсьте, – кивнула она. – Очень рада вас видеть. Вы меня здорово выручили с этим рейсом... Извините, что встать не могу, – добавила она. – Велели ремни пока не взлетим не расстегивать!

– Ничего, гога! Вах! Ничего, Вероника моя дорогая! – просиял Мамука. – Не надо ничего расстегивать! Сиди себе! Я сам сейчас на свое место присяду!

– Хорошо бы, Мамука Вахтангович, – нервничая, про-

говорил летчик. – Мы уже двадцать минут лишних взлетную полосу задерживаем... Диспетчер наш борт на все лады по радио чуть ли не матом кроет! Присаживайтесь. Ваши шесть кресел в начале салона всегда свободны.

Мамука встрепенулся.

– Подожди Сережа! Подожди дарагой! – он схватил летчика за руку. – Я сейчас тебя с такой девушкой познакомлю! Вероника зовут. Вах, Сережа, какая девушка! Ты представляешь, биджэ!?! – он потянул несмело сопротивляющегося летчика к креслу Хомки. – Вероника – это Сережа, мой старый друг! Командир экипажа! Самый главный на этом самолете! Даже главнее меня – Мамуки Багратиони, потому, что у него штурвал есть! – он показал какой у командира экипажа есть штурвал. – Вот такой, вах!

– Да мы уже познакомились, Мамука Вахтангович! – запротестовал летчик, виновато и смущенно глядя на остальных пассажиров салона. Мы с ней договор фрахта подписывали два часа назад с вашего согласия! А сейчас, Мамука Вахтангович, отпустите меня и давайте, наконец, взлетать ради бога, а то меня после сегодняшнего случая к Домодедовской полосе ниже пятого эшелона не подпустят!

– Отпустите его, Мамука, – попросила Хомка.

– Хорошо, гога! – послушно согласился Багратиони. – Уже взлетаем! – он хлопнул в ладоши и кивнул своей свите, продолжающей толпиться в тамбуре. – Все по местам! И я тоже по местам! – он задорно подмигнул Хомке и повернулся

к командиру экипажа. – Давай, Сережа, делай свое дело, биджэ! Вах! А когда взлетим, приходи ко мне! По стаканчику наа-а-астоящего грузинского вина выпьем!

– Маму-у-ука Вахта-а-а-ангович, – осуждающе протянул летчик. – Пассажиры ведь слышат! Еще подумают, что...

– Вах, вах, вах! – воскликнул Багратиони и обратился ко всему салону. – Дорогие мои пассажиры, – он обернулся кругом, подняв вверх руки так, чтобы все его видели. – Мамука Багратиони берет свои слова обратно! Сережа Золотухин, мой хороший друг и командир моего самолета в воздухе настоящее грузинское вино не пьет! Пьет он настоящее грузинское вино на земле, когда самолет приземляется. А в воздухе он его так... – Багратиони легкомысленно махнул ладонью. – Только нюхает! Ничего страшного, ведь, правда, вах?

– Веселенький у нас, похоже, будет перелетик, – шепнул Родион Веронике и усмехнулся.

Глава восьмая

*В которой самолет, наконец,
набирает высоту, а Мамука*

*Багратиони берется утверждать, что
между Рио-де-Жанейро и грузинской
столицей нет никакой разницы.*

Мамука прошествовал в начало салона. Следом за ним гуськом потянулась его свита. Вторым шел Мцыри, бросая цепкие взгляды на сидевших в бизнес-классе пассажиров, словно выискивая подозрительные элементы, готовые причинить неудобство его хозяину.

– Это верный пес Мамуки. Цербер, – наклонив голову к Родику, проговорила Хомка. – Телохранитель, секретарь, юрист, администратор и поверенный во всех делах. Очень умный мальчик. Личность странная и загадочная. Где его Мамука нашел я не знаю, но, похоже, ему он доверяет больше, чем своей матери, – Хомка усмехнулась. – Да, его действительно зовут Мцыри. Ты угадал.

Следом за ординарцем Багратиони, как два зеркальных отражения, одинаковым жестом подобрав полы длинных, помодному скроенных плащей, одинаково покачивая бедрами, проплыли девушки-близняшки уже не юного возраста,

но еще и не ступившие в пору настоящей женской зрелости.

– А я то думал, что у меня в глазах двоится! – сказал Родик.

– Не двоится, – усмехнулась Хомка. – Близняшки. Бригада скорой помощи. Даже здесь Мамука выпендрился.

– Какой еще скорой помощи? – спросил Родион. – Сексуальной, что ли?

– Неа, – отрицательно качнула головой Хомка. – Медицинской. У всех богатых людей почему-то обязательно, через какое-то время, начинает ехать крыша на собственном здоровье. Мамука не исключение. Он всюду, в ресторан, в театр, в зарубежные поездки таскает за собой целый штат медиков. Эти девочки, не сексуальный, как ты выразился, эскорт, а обыкновенные медички. Хотя, одно другому, наверное, не мешает... А этот полноватый дядечка с пластиковым чемоданчиком, – Вероника указала взглядом на прошедшего мимо пожилого серьезного мужчину. – Профессор общей терапии, Иван Петрович Рублев, известный, между прочим, не только у нас в стране. Да ты его должен был по телевизору видеть!

– Не смотрю телевизор, – отмахнулся Родик. – Принципиально.

– И правильно, – согласилась Хомка. – Чего там смотреть... В общем, Мамука платит Рублеву столько, что на эти деньги можно целый реанимационный центр содержать. Вот Рублев за ним и таскается по городам и весям.

– И откуда вам, барышня, все известно!?! – улыбнулся Родион и с интересом посмотрел на Хомку.

– Как откуда? – с усмешкой ответила девушка. – Мое самое любимое занятие заполнять анкеты. Разве ты не помнишь?

– А... Ну, да. Конечно. Полезное занятие. Согласен. Как говорил мой друг – Костя Остенбакин: «Моя анкета – целая жизнь. От первой графы до последней!»

– Философ, наверное, был твой Костя Остенбакин, – проговорила Хомка. – А кстати, кто это такой? Ты на него уже в который раз ссылаешься.

– Потом как-нибудь расскажу, – пообещал Родик.

Самолет продолжил разбег и, наконец, оторвался от взлетной полосы. Мир за стеклом иллюминатора как-то моментально превратился в огромный, бутафорский макет, поражающий своей детальностью и подернутый легким туманчиком перьевых облаков. Крохотные машинки катились по асфальтовым полоскам автострад. Коробочки многоэтажек жались к окраинам большого города, словно чья-то огромная рука одним махом сдвинула их в кучу большого города, как разлинованные картонные кубики.

– Наконец-то взлетели, – с удовлетворением прошептала Хомка.

– Прощай Родина, – хмыкнул Оболенский. – Здравствуй город солнечной мечты Рио-де-Жанейро!

– Подожди радоваться, – сказала вероника. – Ох, чует мое

сердце, что все еще только начинается.

– Ну, что ж, – пожал плечами Родион. – Разве я не говорил, что больше всего на свете я обожаю приключения?

– Ты – да, – Хомка поджала губки. – Но я-то ведь на работе! Мне главное всю эту компанию доставить на другой берег океана и вернуть обратно в родные пенаты в целостности и сохранности.

– Сочувствую, – согласился Родик. – Прими мои самые искренние соболезнования.

– Типун тебе на язык!

Рядом с их креслами, как фея из туманного облачка, материализовалась бортпроводница Сашенька с подносом, на котором стройными рядами красовались бокалы шампанского и красного вина.

– Пожалуйста, – ележно проговорила она, Шампанское или Хванчкара?

– Но мы ничего пока еще не заказывали, – возразила Хомка.

– Это Мамука Вахтангович угощает, – пояснил стюардесса. – Всех пассажиров самолета. От лица, так сказать, авиакомпании и от себя лично.

Хомка посмотрела в просвет между кресел, туда, где сидел Мамука со своей свитой, и увидела его улыбающуюся физиономию между спинками. Над Мамукой суетилась одна из медсестер близняшек, наматывая на крохотный, но упругий бицепс Мамуки хрустящую ленту тонометра.

– Мне вино, – сказал Родион.

– Передайте Мамуке Вахтанговичу огромное спасибо, попросила Хомка стюардессу, принимая у нее с подноса один бокал шампанского для себя и один бокал красненького для Родиона. – Хорошо?

– Хорошо, – кивнула та. – Еще, что-нибудь желаете? Кофе? Шоколад? Сэндвичи? Может быть легкий завтрак?

– У вас соленые огурцы есть? – с чрезвычайно серьезным видом спросил Родик, делая глоток

– Есть.

– А маринованные?

– Есть.

– А квашеная капуста?

– Тоже.

– А моченые яблоки?

– Моченых нет... – Сашенька, недоумевая, посмотрела на Родика.

– Черт, – расстроено покачал головой Родик. – Я так и знал! Ну не бывает так, что бы было все! Сейчас же принесите жалобную книгу!

– А моченые это как? – спросила стюардесса. – Есть свежие, но если надо я намочу, – девушка растерянно захлопала густо накрашенными ресничками.

Хомка чуть не поперхнулась шампанским от смеха.

– Ничего, Сашенька, – успокоила она девушку. – Это молодой человек так шутит. Он у нас шутник, – Хомка локот-

ком ткнула Родика в бок. – Ничего пока не надо. Спасибо.

– Ладно, – стюардесса покосилась на Родиона и отплыла с подносом к соседнему ряду кресел.

– И вы туда же, дядя Родик! – ехидно заметила Вероника.

– Куда, туда же? – спросил Родион.

– Как и любому другому мужчине, вам нужно передо мной порисоваться!

– Вот еще! – Родион пожал плечами. – Не имею привычки рисоваться! Как говорил мой друг...

– Костя Остенбакин, – с улыбкой продолжила за него Хомка.

– Вот именно, – кивнул Родион. Как говорил Мой друг Костя Остенбакин: «Ребята, главное, что бы было весело!» – Родик улыбнулся. – А рисоваться перед вами, Вероника, сейчас будет Мамука, – Оболенский кивнул в сторону ставки Багратиони в начале салона. – Вот, пожалуйста! Что я говорил!

В проходе уже стоял Мамука Великолепный с большим фужером красного вина наперевес.

– Минуточка внимания! – громко проговорил он и сразу же взял паузу, подняв вверх руку, словно давая возможность стихнуть аплодисментам, хотя ему никто аплодировать пока и не собирался. – Волею богов, – продолжил он. – Вы все оказались сегодня здесь на моем самолете, и я оказался вместе с вами, – Мамука опять сделал паузу.

– Надо понимать, – чуть слышно проговорил Родик. –

Сейчас последует длинный грузинский тост, в котором, как всегда, будут фигурировать высокие горы, красивые девушки, отважные джигиты, и гордые орли! Вах! – он спародировал коронный жест Мамуки.

– Только не надо пошлить, – так же чуть слышно посоветовала ему Хомка.

Мамука разогревал сам себя.

– Я думаю, что вы думаете, – Мамука очертил бокалом в воздухе полукруг. – Будто это просто всего лишь самолет, который принадлежит маленькому богатому грузину... Вах! Вы неправильно думаете! Это не просто самолет, который принадлежит маленькому богатому грузину! Это мой дом, в котором я принимаю самых дорогих своих гостей! – Багратиони покачал головой. – И это правда, вах!

Я вам так скажу, дорогие мои гости. Я простой грузин. Моя бедная мама родила меня в далеком высокогорном ауле, где берет свои истоки великолепная грузинская речка – Кура. Мой папа был простой зоотехник и растил колхозного барашка. Я не стал растить колхозного барашка. Я спустился с гор, как велел мне мой отец и стал торговать, эээ... – протянул Мамука и покрутил в воздухе свободной ладонью. – Эээ... Короче, стал торговать разные маленькие вещи и заработал много денег... Но! – воскликнул он, взмахнув рукой с бокалом так, что чуть не расплескал вино. – Я понял очень простой вещь.

Один, наверное, очень мудрый человек сказал: «Не имей

сто рублей, а имей сто друзей!» Вах! Я с ним категорически не согласен! Знаете, что бы я сказал этому очень мудрому человеку? Я бы ему сказал: «Вах, биджэ, дорогой! Зачем так говоришь? Не надо так говорить! Имей и то и другое, вах! Кто тебе мешает, слушай! Дай каждому другу по рублю – будешь иметь сто довольных друзей! Я правильно, говорю, да? – Мамука вопросительно посмотрел на внимающих ему пассажиров. – Если твои друзья будут довольны, значит, и ты будешь доволен! Я правильно говорю, да? За это я и хочу выпить этот бокал прекрасного грузинского вина! За то, что бы вы были довольны! Потому, что вы все с этого часа мои друзья, и я хочу, что бы вы были довольны! За друзей! – Багратиони залпом осушил бокал. – И знаете, что я скажу вам еще, друзья мои?

– Вот вы все здесь собравшиеся летите через целый океан в теплый город Рио-де-Жанейро. Вах! Не спорю! Это, наверное, очень красивый город! Но есть еще другой очень красивый и очень теплый город. Называется Тбилиси или Тбилисо по-грузински. У меня там есть очень красивый дом на улице великого грузинского поэта Шота Руставели. И я приглашаю вас всех в Тбилисо прямо... – он на секунду задумался, и тут лицо Мамуки озарила идея. – Вах! Прямо на этом самолете, слушай! Сейчас я скажу моему хорошему другу Сереже Дугину – командиру этого самолета и мы прямо отсюда полетим в Тбилисо, в гости к Мамуке Багратиони. Вах, как я хорошо придумал! Эээ... Сашенька, гога, ясная моя! – по-

манил он стюардессу, собирающую по салону пустые бокалы. – Позови, пожалуйста, Сережу! Скажи, Мамука Багратиони его видеть хочет!

Хомка с ненавистью посмотрела на Мамуку.

– Этого мне еще только не хватало! – проговорила она и завертелась в кресле, наблюдая за реакцией пассажиров.

– Новатор, твой Мамука, – усмехнулся Родик. – Скажу тебе по секрету, Вероника, был я в этом Тбилисо. Действительно неплохой городишко...

– Я его убью, – сказала Хомка.

– Кого?

– Мамуку! Или клиенты «Атлантиса» убьют меня! Выбросят к черту за борт с этого самолета!

– Прямо в открытый космос! – многообещающе добавил Родион и кивнул в сторону иллюминатора.

Пассажиры самолета действительно стали бросать на Веронику нервные взгляды. Сидевшая через проход та самая «Дама» неопределенного возраста, что, еще в аэропорту, пыталась оказывать Роднику недвусмысленные знаки внимания, повернулась к Хомке и серьезно проговорила:

– Вероника Валерьевна, неужели вы позволите ему развернуть самолет и отправить нас вместо Бразилии в какой-то захолустный грузинский городишко?

– Успокойтесь, – Хомка соорудила на лице очаровательную улыбку в тридцать два зуба. – Во-первых, это не какой-то захолустный городишко, а столица Грузии. А во-вто-

рых, естественно, мы туда не полетим! – уверенно отстегнув привязной ремень, Хомка поднялась с кресла. – Мамука Вахтангович! – крикнула она. – Я не сомневаюсь, что это прекрасная идея! Но давайте мы отложим ее воплощение до более удобного случая?

– Вах! Как до более удобного случая? – Мамука, недоумевая, развел руками. – Почему до более удобного случая, слушай? Это и есть самый удобный случай! Вероника, радость моя!

– Мамука Вахтангович! Я имею в виду до того момента, когда туристическое агентство «Атлантис» выполнит свою программу и мы вернемся в Москву. Если, кто-нибудь из наших клиентов, и, конечно, ваших друзей, по окончании тура захочет отправиться к вам в гости, то я, разумеется, возражать не буду.

– Эээ... – Багратиони взмахнул рукой перед лицом. – Не правильно говоришь! Зачем так долго ждать, слушай, вах? Знаешь, как Мамука Багратиони умеет гостей принимать? Гулять будем! Вино пить будем! Барашка жарить будем! Целого быка жарить будем! Вах!

– Все это прекрасно, Мамука Вахтангович, – терпеливо проговорила Вероника. – Но давайте, я сначала сделаю свою работу... Вы ведь не станете спорить с женщиной? – лукаво добавила она.

– Вах, какой хитрый, гога! – восхитился Мамука. – Хорошо! – сказал он. Мамука Багратиони согласен! Летим в Рио-

де-Жанейро, а потом ко мне в Тбилисо! Пить вино и барашка кушать. Я так хочу!

– Спасибо, Мамука Вахтангович, – кивнула Хомка и со вздохом облегчения опустила в кресло. – Фу, вот и славненько! – улыбнулась она Родику – Кажется, подействовало.

– На этот раз тебе повезло, – сказал Родион. – Только, что-то мне подсказывает...

– Спокойно, – отрезала Вероника. – Еще одно слово и я за себя не ручаюсь!

– Все, – с улыбкой капитулировал Родик. – Молчу, молчу...

Глава девятая

*В которой Родион танцует самбу,
пока Мамука объясняется
Веронике в любви и не подозревает,
что уже оказался в «зоне взлома».*

Мамука вернулся на свое место. Самолет набрал нужную высоту и табло «Не курить. Пристегнуть ремни» погасло.

– Сколько нам лететь до Рио? – спросил Родион проходившую мимо стюардессу.

– До Фритауна шесть часов, – ответила она. – Там дозаправка и десять часов через океан до Рио-де-Жанейро... Мы прилетим рано утром по местному времени, – добавила она.

– Спасибо, – кивнул Родион, расстегнул свой привязной ремень и сказал Хомке. – Пойду прогуляюсь...

– Зонтик не забудь, – усмехнулась она, кивнув в сторону иллюминатора, где под крылом самолета от края до края горизонта распласталась плотная, ватная скатерть серых грозовых облаков

– Смешно, – улыбнулся Родик. – Не волнуйся. Я тут недалеко. В булочную и обратно.

– Остряк, – хмыкнула Вероника.

Родик вышел в проход и пошел к тамбуру. Прежде чем

открыть дверь клозета он заглянул в соседний салон.

Веселье, царившее там трудно описать словами. Оболенскому показалось, что он уже ступил одной ногой на благодатную землю далекого музыкального Рио, где на каждом углу, подобно горячим ирландским гейзерам бьют восхитительные фонтаны кипящей самбы.

Группа молодых ребят, еще на земле развлекавшая все Домодедово зажигательными танцами, и здесь развернулась во всей своей красе.

Прямо в проходе они организовали, что-то вроде танцплощадки. Ритмичная музыка, льющаяся из колонок переносного магнитофончика, заполняла все пространство эконом-класса. Казалось, что воздух просто таки искрится радужными блестками будоражащих латиноамериканских мелодий. Родион застыл в дверях, любуясь танцующими в проходе меж кресел парами, и незаметно для себя стал притопывать ногой в такт ритму самбы.

– Что же вы стоите!?! – к Родику, изящно освободившись от своего партнера, подскочила юркая девица и взяла Оболенского за руку. – Давайте танцевать! – она вытянула сопротивляющегося Родиона на середину прохода. – Не бойтесь! Я вас научу! – девушка, обхватив Родика за талию, вовлекла его в танец.

– А ваш партнер не расстроится? – Поинтересовался Родион.

– Ничего! Он тоже кого-нибудь научит!

И действительно. Партнер девушки, нисколько не теряясь, тут же нашел себе пару из числа пассажиров.

Танцевать с девушкой оказалось довольно легко. Несмотря на то, что поначалу Родион почувствовал себя неуклюжим медведем посреди цирковой арены, спустя несколько тактов он уже довольно сносно передвигался в танце, ловя каждое движение своей партнерши.

– Мы Московская школа самбы, – радостно объяснила девушка. – Летим в Рио на карнавал! Пусть эти бразильцы знают, что мы можем лучше их не только в футбол играть, но и танцевать самбу!

– У вас действительно неплохо получается, – Родик сделал заслуженный комплимент девушке.

– У вас тоже! Вы раньше никогда не танцевали?

– Самбу? Никогда.

– В таком случае у вас талант! – воскликнула девушка и втянула Родиона в такой пируэт, какого он сам от себя не ожидал.

Дальше события развивались по схеме «Танцуют все!»

Самбу танцевали не только ребята из школы танцев. Самбу танцевали все пассажиры салона!

Самбу танцевала мама-Таня – воспитательница семейного детского дом, вместе со всем своим выводком ребятешек.

Впервые, неподдельно и радостно улыбаясь, самбу танцевала сногсшибательная юная «барышня с бриллиантами», которую Родик заметил еще в кафе аэропорта.

И даже парочка «одинаково одетых» странных молодых парней «неопределенной ориентации» тоже самозабвенно танцевали самбу, преданно глядя в губы друг другу.

Родик вернулся на свое место довольный и разгоряченный, как будто он уже побывал на знойной бразильской земле в компании темпераментных мулатов, и, что особенно важно, мулаток. Но к удивлению Оболенского его место рядом с Вероникой у иллюминатора уже было занято не кем иным, как Мамукой Багратиони.

Мамука сидел с кислым видом возле Хомки и от досады пересчитывал кольца на своих пальцах. Место перстня с изумрудом, который он подарил стюардессе, на мизинце Мамуки уже было занято другим, не менее дорогим колечком. Хомка, откинувшись на спинку кресла, смотрела прямо перед собой, напряженно скрестив на груди руки и поджав губки.

– Я не помешал? – поинтересовался Родион.

– Нет, – коротко ответила Хомка.

Мамука поднял голову и тоскливо посмотрел на Родика.

– Извини, биджэ, – сказал он. – Я твое место занял.

– Получается, что так, – ответил Родик.

Мамука встал и вышел в проход, пропуская Родиона. Родик хотел было сесть на свое место, но Мамука удержал его за локоть.

– Извини, дарагой, – проговорил Мамука. – Ты давно эту девушку знаешь?

Хомка с мольбой во взгляде посмотрела на Родика и еле заметно кивнула.

– Ну, – сказал Оболенский. – Относительно... Давно.

– Хороший девушка, правда? – сказал Багратиони.

– Очень хороший девушка, – согласился Родик.

– Ну почему она меня не любит, слушай, да?

– Вот это да! – восхищенно проговорил Родик. – Похоже, я пропустил самое интересное!

– Представь себе, – сказала Хомка. – Мамука Вахтангович только, что объяснился мне в любви!

– Ну, почему она меня не любит, слушай, да? – чрезвычайно расстроенный Багратиони, как капризный ребенок дернул Оболенского за локоть.

– Сейчас я вам все объясню, – с дружеской интонацией в голосе проговорил Родион.

– Правда, биджэ? – с надеждой спросил Мамука.

– О чем речь, слушай! – улыбнулся Родик. – Кстати, – он протянул Мамуке ладонь для рукопожатия. – Меня зовут Родион Оболенский!

– Мамука Багратиони, вах! – Мамука пожал руку Родика. – Для друзей – просто Мамука! – он многозначительно поднял вверх указательный палец с перстнем, на котором в оправе, выполненной в виде оскаленной пасти тигра, красовался огромный голубой бриллиант.

– Понимаете, Мамука Вахтангович, – начал Родик. – Как говорил мой друг, Костя Остенбакин...

Хомка фыркнула и отвернулась к иллюминатору.

– Как говорил мой друг, Костя Остенбакин, – Родион осторожно, что бы не показалось, будто он ведет себя по-панібратски, обнял Мамуку за плечо. – «Женщины – это очень странный предмет! То они любят, то уже нет!» И соответственно наоборот, – добавил Оболенский уже от себя. – Мамука, никогда не надо терять надежды!

– Вах! – воскликнул Багратиони. – Какой мудрый человек был этот твой Костя! Думаешь, мне стоит попробовать еще немножко попозже? – он покосился на Веронику, которая нахохлившись, как ворона на морозе, делала вид, что с интересом рассматривает гигантские нагромождения облаков под крылом самолета.

– Конечно, стоит, Мамука Вахтангович! – воскликнул Родик.

– Слушай, какие правильные слова говоришь, биджэ! – восхитился Мамука и с надеждой взглянул на Хомку. – Слушай, дарагой, – он потянул Родика за локоть. – Пойдем к нам, вах! Красное вино выпьем. Сулугуни поедем! А потом я еще раз попробую, вах! Вдруг она не откажет!?

– Вот это правильно! – улыбаясь, похвалил Мамуку Родик. – Еще не нашлась та женщина, которая отказала бы такому благородному витязю, как Мамука Багратиони!

– Вах, какие правильные слова, биджэ! Пойдем, дарагой вино пить! Мамука угощает!

– Можно тебя на минуточку, – сквозь зубы процедила

Хомка, обращаясь к Родику и видя, что тот собирается ответить согласием на предложение Мамуки.

– Мамука Вахтангович, – проговорил Родик. – Вы идите на свое место, а к вам подойду! Только барышне пару слов скажу. Хорошо?

– Хорошо, дарагой! – Мамука всплеснул руками. – Приходи, биджэ! Только ты ей правильные слова говори, да?

– Самые правильные, какие только найду, – пообещал Родик.

– Договорились, биджэ! Дай я тебе руку пожму! Как настоящему мужчине! – он с размаху хлопнул Родика по раскрытой ладони. – Приходи, дарагой! Жду тебя! Обязательно приходи! – Мамука, явно довольный, пошел на свое место, гнусаво распевая себе под нос «Где же ты моя Сулико...»

– Ты, что же это делаешь, дядя Родик!? – зашипела Хомка на Родиона. – Я думала, ты мне от него отделаться поможешь! А ты взял, и все наоборот сделал! Он же меня достанет теперь окончательно!

– Тихо, Вероника, не кипятись! – Родион присел рядом с до крайности возмущенной девушкой.

– И не думаю я кипятиться! Что я, чайник, что ли!? – Хомка одарила Родиона кипящим взглядом.

– Восемнадцатое правило, – как бы между прочим, проговорил Оболенский.

– Какое еще правило? – не поняла Вероника.

– Восемнадцатое правило «взломщика» гласит: «Всегда

старайся обращать врагов в союзников!»

– Так, – сказала Хомка. – С тобой не соскучишься. Что еще за правило «взломщика»? Кто такой «взломщик»?

– «Взломщик» – это я, – ответил Родион.

– И чего ты взламываешь? Стальные двери? Сейфы? Сундуки с драгоценностями?

– Я взламываю жизнь.

– Это как? – удивилась девушка. – Каким образом ты ее взламываешь?

– С помощью игры ума и воображения.

– Ой, ой, ой! – проговорила Вероника с издевкой.

– Так и быть, – согласился Родик. – Сейчас я тебе в нескольких словах нарисую картинку моих взаимоотношений с окружающей действительностью.

– Вот уж о чем всю жизнь мечтала, – продолжала язвить Хомка, не в силах простить Родику злосчастный пассаж с Мамукой.

– Наша жизнь подобна коридору с множеством закрытых дверей...

– Начало многообещающее, – язвительно похвалила Родика Вероника.

Родион нисколько не смутился.

– Каждая дверь – это какое-либо обстоятельство жизни: Человек, Ситуация, Случай, Неожиданная встреча, и так далее... На протяжении всей своей жизни все люди пытаются подобрать нужные ключи к дверям жизни. Но существует

определенная категория прогрессивно мыслящих индивидуумов, которая не бряцает тяжелой связкой с ключами возле каждой двери, а пытается «взломать» их оперируя так называемыми «правилами взлома». Эти люди и есть «взломщики».

– И кто придумывает эти «правила взлома»? – спросила Хомка.

– Никто, – ответил Родик. – Все правила давно перечислены в «Кодексе взломщика».

– И откуда ты взял этот кодекс? В публичку сходил?

– Никуда я не ходил, – отмахнулся Оболенский. – «Кодекс взломщика», находится в голове каждого «взломщика»! – Родик многозначительно постучал себя указательным пальцем по лбу.

– Во как! – ехидно улыбаясь, воскликнула Вероника.

– Именно так, – кивнул Родион. – Что бы прочесть «Кодекс взломщика», нужно всего-навсего быть «взломщиком».

– А как им стать? Очень, знаете ли, хочется стать «взломщиком» и приобщиться к вашей когорте отважных! Ха-ха!

– Ничего смешного, – пожал плечами Родион.

– А я серьезно! Я серьезно хочу стать «взломщиком» и иметь такой же важный вид, как у тебя!

– Напрасно смеешься. Потому, что у тебя все равно ничего не получится, – сказал Родион Оболенский.

– Почему это? – удивилась Хомка.

– Потому, что «взломщиком» нельзя стать.

– А ты как стал?

– Я не стал «взломщиком»...

– Но ты же говорил, что...

– Я проснулся «взломщиком»! «Взломщиком» нельзя стать. «Взломщиком» можно проснуться.

– Бред какой-то, – Вероника пожала плечами. – Еще скажи, что однажды тебе было видение и все такое... Вроде, дух святой тебя посетил.

– Никакого видения не было, – сказал Родион. – Просто в одно прекрасное утро я проснулся «взломщиком». И у меня перед глазами была первая страница «Кодекса взломщика».

– И, что на ней было написано?

Родион прищурился, словно вспоминая, что-то очень важное.

– Там было написано: «Встань и иди!»

– Как интереснееееесно! И, что? Это все?

– Все. Первое правило «взломщика» гласит: «Если ты действительно „взломщик“ – встань и иди!»

– Действуй, то есть?

– Ну, да. «Взломщик» должен использовать каждую возможность для «взлома». Если он ее не использует, то тогда он автоматически перестает быть «взломщиком».

– А причем здесь Мамука?

– Притом, что человек его положения и его типа – прекрасная возможность для «взлома»!

– А причем здесь я? – снова вспыхнула Хомка. – Меня-то ты зачем подставляешь? Вместо того, что бы помочь... Или второе правило «взломщика» – «Иди по трупам!»

– Ты просто не поняла, – улыбнулся Родион. – Я наоборот оказал тебе услугу!

– Как это?

– Твой Мамука все равно бы от тебя просто так не отвя-зался, учитывая его грузинский темперамент. А теперь он у меня полностью под контролем!

– И у тебя теперь в руках появились ниточки, с помощью которых ты можешь им манипулировать, – ехидно добавила Вероника.

– Ну... Где-то ты права.

– Манипулировать за мой счет!

– Ответ не верный, – парировал Родик. – Не за твой счет, а для твоего же блага!

– А тебе с этого какая выгода?

– Пока не знаю, – ответил Оболенский. – Но чутье «взлом-щика» мне подсказывает, что выгода будет! – он ободряюще улыбнулся девушке. – Не переживайте, барышня! Все будет хорошо!

Глава десятая

В которой Родион предлагает наследнику Багратов сыграть в карты с целым самолетом.

Когда Родион возник в «ставке» Багратиони, Мамука сидел за пышно накрытым столиком и тасовал в руках колоду игральных карт.

– Садись, биджэ, – кивнул Мамука. – Вино со мной выпей! – Игральные карты, описав в воздухе магическую петлю, скользнули из одной руки в другую и застыли ровным белоснежным веером. – Мамука помахал веером над столом. – Садись, пей – кушай! Все бери! Все пробуй! Барашка молодого пробуй, сулугуни пробуй, кинзу пробуй, вино молодое пробуй тоже...

Стол у Багратиони действительно был царский! На широком серебряном блюде в ворохе изумрудной зелени возлежал уж порядком искромсанный, лоснящийся от жира еще теплый барашек. На тарелках и блюдцах красовались ломтики ноздреватого сыра и истекающей соком буженины. Тут же громоздились груды яблок, мандаринов, винограда и алычи... В нескольких откупоренных плетенных бутылках плескалось вино.

– Садись, чего стоишь, дарагой!? – проговорил Мамука.

Родион развел руками.

– Я бы с удовольствием, но...

Все места вокруг Мамуки были заняты.

Два места по правую руку от Багратиони занимали личный врач Мамуки, дремлющий, уткнувшись носом в шторку иллюминатора, и личный телохранитель – Мцыри, исподлобья поглядывающий на Родика, взглядом изготавившегося к атаке тореадора. Три кресла напротив были оккупированы: блестящим докторским чемоданчиком и двумя реанимационными сестрами-близняшками, одна из которых с безучастным видом листала какой-то пестрый дамский журнальчик, вторая так же отстранено и не обращая внимание на Оболенского полировала острые ногти пилкой.

– А-а-а... – протянул Мамука. – Извини, биджэ! – он вполоборота повернулся к Мцыри и нервно взмахнул карточным веером перед его лицом. – Чего сидишь, да?! Видишь, гость к нам пришел? Что? Трудно догадаться место уступить? А? Генацвале?

– Извините, Мамука Вахтангович, – Мцыри недобро зыркнул на Родика и пересел напротив, взяв чемоданчик доктора себе на колени.

– Садись, дарагой, садись! – изменив тон на доброжелательный, улыбнулся Мамука Родиону.

Родик уселся на место Мцыри.

Багратиони наполнил бокал вином из ближайшей бутылки и протянул его Родиду.

– Давай, биджэ, выпьем с тобой за женщин! – он потянулся за своим фужером.

– Вам лучше больше не пить, Мамука Вахтангович, – не отрывая взгляд от журнала, проговорила одна из медсестер. – Давление у вас и без того высокое!

– Слушай! – вспыхнул Мамука. – Чего ты мне все время указываешь, да? Я сам знаю, сколько мне пить, сколько мне не пить! И нечего мне указывать, да? Гога?

– Делайте, что хотите, Мамука Вахтангович, – невозмутимо пожала плечами вторая девушка, полировавшая ногти.

– Как это, что хотите, вах! – возмутился Мамука. – Ты мне врач или кто? За что я тебе деньги плачу, да?

– Тогда вам лучше больше не пить, – спокойно проговорила первая медсестра, продолжая листать журнал не поднимая глаз. – Гость ваш пусть выпьет, а вам не надо...

– Вах! – возмущенно выдохнул Мамука и поставил свой бокал на стол. – Ты понял, да? Биджэ? Все мне указывают! Мне, Мамуке Багратиони! Скоро мне курица будет указывать, как яйца нести!

– За женщин, – усмехнувшись, кивнул Родик, указал бокалом на медсестер и выпил.

– Пей, дарагой, пей! – проговорил Мамука и тоскливо проследил, как Родион осушил бокал до дна. – Кстати, биджэ, познакомься! Это Маша, а это Даша, – он кивнул в сторону медсестер и внезапно запнулся. – Нет! Это Даша, а это Маша... Вах! Совсем запутался! Слушай, гога? Ты Ма-

ша, да?

– Нет, – покачала головой девушка с журнальчиком. – Я то, как раз, Даша...

– А я – Маша, – пропела девушка с пилкой.

– Э-эээ-ээ! – недовольно протянул Мамука. – Слушай, гога, когда я вас путать перестану, а?

– Не знаю, Мамука Вахтангович... – ответили Маша и Даша хором.

– Надоели вы мне, слушай! – импульсивно воскликнул Багратиони. – Ты бы Даша, хоть бы в брюнэтку перекрасилась, что ли?

– Вы же не любите брUNETOK, Мамука Вахтангович! – девушка впервые оторвала от журнальчика взгляд, но посмотрела почему-то не на Багратиони, а на Родика.

– Люблю – не люблю... Какая разница, слушай? Долго я вас еще путать буду?

– Не знаю, Мамука Вахтангович, – девушка, глядя Родика в глаза, томно облизнула губы и снова принялась читать журнал.

– Она не знает... Я не знаю... А кто знает, а? Ладно! – Это, – Мамука показал картами на спящего у окна доктора. – Иван Петрович, очень большой человек в медицине. Сейчас мое здоровье лечит... – Мамука помассировал свободной рукой узкую грудь в области сердца. – Совсем плохое у Мамуки Багратиони сердце стало, вах!

– Беречь-то, моторчик надо, – посочувствовал Родик.

– А как беречь, биджэ? Работа у меня знаешь, какая нервная? Вах! – Мамука зацокал языком, одновременно качая головой и каким-то хитроумным способом тасуя карты.

Родион с интересом проследил за тем, как в руках Багратиони мелькают разноцветные кусочки картона и удовлетворенно хмыкнул.

– Я вижу, вы неплохо с картами обращаетесь, – сказал он.

– Вах! – воскликнул Мамука. – Неплохо? Совсем не умею, дарагой! – он хитро посмотрел на Родика и подмигнул Мцыри.

– Видно птицу по полету, – Родион взглядом указал на карты, мельтешащие в руках Багратиони.

– Нравится, да? – карты с треском, образовав в воздухе лесенку, перелетели из одной руки Мамуки в другую.

– Душевно, – согласился Родик и подцепил с тарелки ломтик хлеба, накрыл его кусочком буженины и украсил веточкой зелени. – Чувствуется крепкая рука, – добавил он, кусая бутерброд.

– Ты кушай, дарагой, кушай, – радушно похвалил Родика Мамука. – Мы уже покушали...

– Спасибо, – буркнул Родион полным ртом.

– Как ты думаешь, биджэ, – Мамука сделал неуловимый пас в воздухе и колода карт магическим образом переместилась из левой руки в правую, где раскрылась роскошным веером. – Как ты думаешь, что мне такого сделать, что бы Вероника обратила на меня внимание? Да?

– Понимаете, – Родик налил себе еще немного вина, взглядом попросив разрешения у Мамуки. – Что бы очаровать любую женщину, нужно для начала добиться ее благосклонности...

– Вах, биджэ! – Воскликнул Мамука. – Зачем так говоришь? Зачем Мамуку обижаешь? Мамука Багратиони знает, как себя надо вести с женщиной! Мамука цветы и бриллианты Вероники дарил! Мамука шубы и машины ей покупал! Мамука все делал, что бы благосклонности добиться! И, что ты думаешь, биджэ? Цветы она соседу отдает, бриллианты не принимает, шубы с обратной стороны на дверь ручки вешает! А шикарный «Феррари» – весь красный, как рассвет в горах, в ее дворе под дождем мокнет и птички на него, извини меня, биджэ, какают! Как Мамука Багратиони еще может благосклонности женщины добиться, а?

– Да-а-а... протянул Родик, и поджал губы. – Тяжелый случай!

– Какой тяжелый, слушай! – Багратиони импульсивно взмахнул рукой перед Лицом Оболенского. – Очень тяжелый!!! – Мамука сердито посмотрел на одну из медсестер. – А ты, Маша, не улыбайся, да?

– Я не Маша, я Даша, – ответила та.

– Иди ты к черту, слушай! – без злобы в голосе бросил Багратиони.

– Фи, как некультурно, Мамука Вахтангович, – Вступилась за сестру Маша.

– Вах! – всплеснул Мамука руками. – Гога, ты медсестра или профессор культурного языка, да? Зачем меня учишь, а? Мамука Багратиони сам знает – культурно или нет!

– Как скажете, Мамука Вахтангович, – проговорили девушки хором.

– Резекция, определенно резекция, – почмокал во сне губами академик Рублев по правую руку от Родиона. – Необоснованная лоботомия...

– Согласен, – кивнул Родик. – Случай действительно очень тяжелый. Необоснованная лоботомия, как тут мне справа напоминают...

– Ты его не слушай, биджэ, – отмахнулся Мамука. – Он себе сон смотрит!

– Да я, честно говоря, и не слушаю...

– И что мне теперь делать, да? – сокрушался Мамука. – Как мне теперь благосклонности Вероники добиться? Вах!

– Значит, Вероника относится к тому типу женщин, – многозначительно проговорил Родион. – К которым нужно подступаться с другой стороны.

– С какой такой стороны, биджэ? – Багратиони подозрительно посмотрел на Родика. – Сзади, что ли?

– Я имею в виду, с другого конца, – уточнил Родион.

– Вах, биджэ! – возмутился Багратиони. – Что ты такое говоришь, слушай?

– Мамука Вахтангович, – доверительно проговорил Родион. – Подумайте сами. Не все в этой жизни измеряется

деньгами. Веронику трудно удивить подарками, потому что она знает, что вы легко можете себе это позволить, благодаря своему богатству. Вы попробуйте сделать, что-нибудь такое... Проявить какой-нибудь личный талант... У вас есть личные таланты?

– У Мамуки Багратиони много талантов! – Багратиони гордо вскинул перед собой руку, растопырив окольцованные перстнями пальцы.

– Например?

– Мамука умеет деньги зарабатывать!

– Это конечно талант, – согласился Родик. – Но, я извиняюсь, ничего в нем особенного нет. Каждый уважающий себя мужчина, в принципе, должен обладать этим...

– Как не особенный? – удивился Багратиони. – Много денег, вах!

– Согласен, – кивнул Родион. – Вашему умению зарабатывать деньги можно позавидовать. Но я говорю о другом таланте... О личном. Например... Если бы вы умели рисовать, то смогли бы нарисовать портрет девушки, в которую влюблены, и подарить ей. Думаю, что Вероника, как натура тонкая, это бы оценила.

– А-а-а, – огорченно протянул Мамука. – Не умею я рисовать, слушай... – тут Багратиони осенило. – Биджэ! Давай я художника найму? Самый лучший, какой есть! Он нарисует! Например, этот... Земляк мой... Он еще на Москве большой железный памятник поставил! Царители – генацвале!

– Царители – скульптор, Мамука Вахтангович, – впервые подал голос Мцъри.

– Вах! – набросился на него Багратиони. – еще ты меня учить будешь, слушай! Сам знаю, что скульптор! Ты думаешь, он рисовать не умеет, да?

– Царители? – с сомнением в голосе спросил Мцъри и покачал головой.

– В любом случае, – сказал Родион. – Нам это не подойдет. Вы, Мамука Вахтангович, должны сами, что-то сделать.

– Что я могу сделать, слушай? – Мамука задумчиво взял с блюда ломтик сыра и отправил себе в рот. – Вах! Хочешь я для нее «Сулико» спою, да? Знаешь, как я могу «Сулико» петь? Вах! – Багратиони тут же, сладостно прикрыл глаза и затянул свою любимую песню на грузинском языке.

Пел он действительно неплохо. Родик с интересом послушал пару куплетов и остановил Мамуку.

– Очень хорошо, но... Не пойдет.

– Почему не пойдет, вах? Биджэ, ты же говоришь – хорошо пою!

– Согласен. Но «Сулико» поют все грузины. Этим Веронику не удивишь.

– А чем удивишь, а?

– Ну не знаю... Что вы еще умеете? На гитаре играть умеете?

– На гитаре? – Мамука оторопело посмотрел на Оболенского. – На бирже умею... На гитаре не умею, биджэ, – рас-

строено вздохнул он. – А это обязательно, дарагой?

– Вообще-то не обязательно, но девушки очень любят, когда им играют на гитаре...

– Ну не играю я на гитаре, дарагой! – всплеснул Руками Мамука. – На балалайка тоже не играю! Ни на чем не играю! В карты играю, вот! – он особенным образом подбросил колоду карт в воздух и те, извивающейся петлей перелетели к нему в другую руку.

– Ловко! – восхитился Родион. – Слушайте, может вам для Вероники в карты сыграть? Вы хорошо играете в карты?

Мцыри, явно заинтересовавшийся происходящим, снова подал голос:

– Мамука Вахтангович очень хорошо играет в карты, – многозначительно проговорил он.

– Зачем такое говоришь, бидже, – с ложной скромностью и блеском в глаза сказал Мамука. – Я так-сяк играю. Немножко «Преферанс», немножко «Покер», немножко «Блек Джек»... Так-сяк, туда-сюда... Меня даже в казино не пускают! – хитро добавил он.

– Мамуку Вахтанговича, – сказал Мцыри. – Действительно не пускаю в солидные московские казино, после того случая, как он на трех игорных столах в разных клубах за одну ночь сорвал три банка!

– Просто, повезло, слушай! – взмахнул рукой Мамука. – Что я виноват, что ли, если карта идет, да?

– Вы действительно так хорошо играете? – прищурив-

шись, спросил Родион.

– Совсем не играю, слушай! – рассмеялся Багратиони. – Так, чуть, чуть только... Фокус-покус могу показывать! – карты, потрескивая крыльшками, картонной стайкой выпорхнули из его рук, описывая в воздухе восьмерку.

– Я вижу, у вас был хороший учитель, – проговорил Родик. – Мне ваша манера играть с картами кажется знакомой.

– Был, учитель, был, биджэ, – нехотя сознался Мамука

– И как его звали?

– Не скажу, дарагой, – отрицательно замотал головой Мамука. – Этот очень хороший человек, просил меня не говорить!

– Ну, неважно, – согласился Родион. Какая-то мысль блеснула в его глазах и утонула в глубине зрачков. – Важно то, что вы хорошо играете в карты и можете запросто выиграть у любого пассажира в этом самолете несколько тысяч долларов... Будем считать, что у любого, – уточнил он. – Этого вполне достаточно, что бы вы поразили Веронику своим личным талантом и мастерством игрока!

– Вах! – воскликнул Багратиони. – Какой-то ты странный, биджэ! Никто в этом самолете не поставит на кон и ста долларов! Ту нет игроков, дарагой! Люди летят отдыхать, будут тратить свои деньги на отдыхе! Не станут они со мной играть!

– На свои деньги не станут, – согласился Родик. – А на ваши станут! Хотя бы от скуки.

– Как так? – не понял Мамука. – Как на мои деньги? Я буду играть с кем-то на мои деньги!?! Не смей меня, биджё, да? Вах! Может, давай лучше на спички сыграем!?! – рассмеялся Мамука.

– Но вы же уверены, что можете обыграть в этом самолете любого?

– Это совсем просто, слушай! Я всех тут обыграю. С-с-с закрытыми глазами!!!

– Ну, вот, – согласился Родион. – Значит, вы ничего не потеряете, зато Вероника поймет, как вы хорошо играете в карты!

– Да? – Мамука задумался. – И что я должен делать, биджё?

– Для начала вот, что. Позовите стюардессу и скажите ей, что...

Глава одиннадцатая
В которой Веронике везет, профессор Рублев проигрывается в пух и прах, Родион занимает позицию наблюдателя, а Мамука демонстрирует уверенную игру.

– Уважаемые пассажиры нашего авиалайнера! – зазвенел на весь самолет бодренький голосок стюардессы. – Минуточку внимания! Что бы скоротать время перелета, руководство авиакомпании решило провести среди наших клиентов карточный турнир по игре в «Блек Джек»!

Пассажиры бизнес-класса недоумевают, переглянулись. Хомка заерзала на своем кресле и взглянула в просвет между сидений, туда, где Родик вел переговоры с Мамукой. В просвете показалась довольная и немного загадочная физиономия Родиона. Он поднял перед собой ладонь и показал Веронике, что, мол, не беспокойся, все в порядке.

– Все у него, видите ли, под контролем, – сама себе прошипела сквозь зубы Хомка. – «Взломщик» хренов...

Елейный голос бортпроводницы продолжал парить над креслами, заглушая шум двигателей за бортом.

– Более того, – распевно проговорила она. – Президент

авиакомпания «Багратиони – Аэролайн», Мамука Вахтангович Багратиони, сам примет участие в этом турнире!

Недоумение пассажиров росло с каждой секундой. Хомка, кожей стала ощущать на себе недвусмысленные взгляды клиентов своей тур фирмы, отчего по спине у нее побежали холодные мурашки.

– Но и это еще не все, – с явной загадочностью в голосе продолжала вещать стюардесса. – Мамука Вахтангович дарит каждому участнику турнира по... – Стюардесса затаила дыхание. – по одной тысяче американских долларов, на которые тот и сможет сыграть в «Блек Джек»! Желающие могут подойти к Мамуке Вахтанговичу, записаться на игру и получить деньги.

– По тысяче долларов!?! Это круто! – присвистнула Вероника и снова взглянула в проем между кресел.

Физиономии Родиона на этот раз там не наблюдалось, зато на Хомку, с нескрываемым торжеством пялилась самодовольная, смуглая, длинноносая рожица Багратиони.

– Тьфу, ты, черт! – чертыхнулась Хомка и откинулась в кресле.

Желающих окунуться в карточную игру пока почему-то не наблюдалось. Что бы как-то стимулировать энтузиазм пассажиров, Мамука вышел в проход и заговорил громко, на весь салон:

– Не, стесняйтесь, господа, вах! Зачем стесняться? Мамука никогда никого не обманывал! Багратиони никогда не об-

манывают! Это будет честный игра, которую я посвящаю одной замечательной девушке, вах!

Он с надеждой взглянул на Хомку. Та ответила ему фальшивой дружелюбной, явно натянутой улыбкой и прошипела тихо, с издевкой:

– Спасибо, дарагой!

– Я даю каждому, кто хочет играть целую тысячу долларов, вах. Как бы в долг, вах, – сказал Мамука. – Все будет честно. Мамой клянусь... Если кто-нибудь выиграет, то долг мне вернет. Если проиграет – ничего возвращать не надо! Мамука не жадный. Мамука хорошую игру ценит! Приглашаю всех! И зрителей и игроков.

– Мы тоже играть будем! – в один голос проговорили две медички Багратиони.

– Вах? – Мамука посмотрел на них с удивлением. – А вы то зачем?

– Ну, раз вы всех пассажиров приглашаете, – сказала Маша. – То и мы хотим. И нам, пожалуйста, тысячу долларов!

– Понятно, – многозначительно проговорил Мамука. – Мцыри, дай им по тысяче. Пусть играют! Или, может, ты тоже со мной сыграть хочешь? – он подозрительно посмотрел на своего ординарца.

– Нет, Мамука Вахтангович, – покачал тот головой. – Что вы... Играть с вами? Бесполезно! – он усмехнулся.

– А так, ради интереса, вах? Не хочешь? – с хитрой улыбочкой поинтересовался Багратиони.

– Не стоит, Мамука Вахтангович, – отмахнулся Мцыри, усмехаясь. – Все равно проиграю. Обидно будет... Давайте лучше, как всегда. Я банковать буду.

– Договорились, – кивнул Мамука. – А ты, профессор, будешь со мной играть? – Спросил Багратиони доктора Рублева, только что проснувшегося и потирающего глаза.

– В карты, Мамука Вахтангович?

– Ну не в шашки, же, дарагой! – рассмеялся Мамука.

– Эммм, понимаете ли... На интерес, что ли? – Рублев зевнул.

– Зачем на интерес, дарагой? На деньги, конечно!

– Нет уж, увольте, – запротестовал Рублев. – Я знаю, как вы хорошо играете, Мамука Вахтангович. А мое жалование у вас, хотя и большое, но не настолько, что бы я мог им рисковать... Да и потом...

– Нет, дарагой профессор, – успокоил Рублева Мамука. – Я по-другому решил. Не надо тебе на свои деньги играть. Я тебе целую тысячу долларов дам. Выиграешь – долг мне вернешь. Не выиграешь – ничего возвращать не надо! Я понятно говорю?

– Забавные условия, – согласился доктор Рублев. – Ну, что ж... Тогда сыграю... Отчего не сыграть? Азарт, знаете ли... Выброс адреналина и все такое... Очень, знаете ли нервную систему стимулирует! Кстати, Мамука Вахтангович, а как ваше сердечко? Не шалит?

– Все в порядке, Иван Петрович, – заверила доктора Руб-

лева Даша. – Давление в норме. Сердечные ритмы четкие, устойчивые...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.